

The background of the book cover features a stylized illustration. On the left, a woman in a traditional Russian folk costume, including a patterned dress and a headscarf, stands looking towards the right. In the background, a modern city skyline with several tall skyscrapers is reflected in a body of water. The overall color palette is dominated by blues, greens, and reds.

Сергей Алексашенко
**РУССКОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК? ЧУДО**

Книга профессионала

Сергей Алексашенко

**Русское экономическое
чудо: что пошло не так?**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Алексащенко С. В.

Русское экономическое чудо: что пошло не так? /
С. В. Алексащенко — «Издательство АСТ», 2019 — (Книга
профессионала)

ISBN 978-5-17-110856-4

Сергей Алексащенко создавал экономическую систему новой России. Поэтому его экспертное мнение не только интересно, к нему нужно прислушиваться, анализировать, а лучше – использовать его как руководство к действию. Эта книга посвящена анализу различных аспектов экономической ситуации в новейшей России. Автор показывает читателю ясную картину того, что происходит в стране. А поскольку тексты, вошедшие в книгу, были написаны в разные годы, мы можем в реальном времени наблюдать за всеми процессами, событиями и изменениями в политико-экономической жизни, а также за изменениями позиции автора. Книга написана в фирменном для С. Алексащенко стиле – четко, с железной логикой, стройной аргументацией и присущей автору легкой иронией.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-17-110856-4

© Алексащенко С. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Анатомия и физиология современной России	6
I	8
Экономика России к началу эпохи “после Путина”	8
Российское экономическое чудо: а было ли оно?	8
Кризисное “похмелье”	9
Экономика России в базовом сценарии	11
Сценарий Б: самоизоляция	15
Сценарий В: смена вех	16
Заметки на ходу	18
Заметки на ходу, продолжение	20
Плохой хороший год	22
Экономика оказалась устойчивой	22
...рубль тоже	25
Бюджетный кризис ломает основы	27
Инфляция успокоилась, но не замедлилась	28
Санкции не работают, но...	28
Есть ли у власти альтернативы?	29
Головокружение от успехов	31
Поколение с подрезанными крыльями	37
Путинские “минус 1,5 %”	37
Некачественные изменения	39
Что в сухом остатке?	39
Реальные угрозы экономической безопасности	41
II	43
10 заповедей экономиста Путина, или Стоит ли ждать Путина 3.0?	43
Стратегия “Чего изволите?!”	47
Странная цепочка угроз	47
С санкциями будем жить лучше, чем без них	48
Ни слова о политике	48
Но заказчик будет доволен	49
Поставьте себя на место правительства	50
Хорош ли стимул?	50
Для кого стимул?	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Владимирович Алексащенко

Русское экономическое чудо: что пошло не так?

За всё тебя благодарю!

© С. Алексащенко, текст
© А. Бондаренко, оформление
© С. Бунтман, предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

Анатомия и физиология современной России

Путинская Россия – чрезвычайно запутанный организм. Это только на государственных телеканалах она кажется простой, открытой и не лишенной монументального изящества. Бело-снежной медведицей, охраняющей своих медвежат от кровожадных охотников. Но что же там внутри? Как работают жизненно важные органы? Да и где они, эти органы, располагаются? Можно сказать, что вскрытие покажет, но тогда будет слишком поздно. “Обратитесь к специалисту”, – советует в таких случаях медицинская реклама. Вот и обратимся к книге Сергея Алексашенко. Читая ее, мы обнаружим, что в организме современной России мозг, сердце, печень и селезенка располагаются самым причудливым образом, да и функционируют они не совсем так, как предусмотрено законами здорового образа государственной жизни. Экономика не вполне экономика, суд не совсем суд, правительство всерьез не правит, а средства массовой информации не столько информируют мозг, сколько дают ему ложные, хоть и приятные сигналы.

Сергей Алексашенко эту книгу намеренно не писал, в том смысле, что не пытался сесть за научный письменный стол и последовательно изложить экономическую, финансовую, государственную и общественную историю России за последние несколько лет. Нет, это публикации и выступления, синхронные событиям, сгруппированные по крупным темам, и только. Никакой капитальной правки и “подгонки под ответ”. Думаю, что автору не нужна сомнительная слава безошибочного провидца.

Сергей Алексашенко – вообще такой человек. Задаешь ему вопрос: умный, глупый, общий, частный – и он, прежде чем дать ответ, собранно и ясно опишет ситуацию, к вопросу твоему относящуюся, покажет, как отделить главное от второстепенного, и только тогда попробует сделать вывод. Честный эксперт – так это называется. Что, вообще-то, тавтология. Один историк сказал, что эксперт – это тот специалист, у которого взорвется мозг, если он соврет. Ошибаться может. Врать – нет.

Если вернуться к образу странного российского организма, можно заключить, что книга Сергея Алексашенко представляет собой анатомический атлас нашей страны с описанием ее физиологии. По прочтении вырисовывается диагноз, подробный и, увы, неутешительный. А каков же курс лечения? Есть ли еще возможность поправить дела, не убив при этом то здоровое, что в организме остается? Или нам остается только впасть в тревожную спячку и дожидаться, пока все само по себе не устроится? Ну, или как сиюминутный стиль поведения – стать частью аномального организма и ни о чем не думать.

Первое, что предлагает автор, – как раз думать. Второе – знать, что никакая аномалия не вечна. Третье и главное – сообща и разумно конструировать наше общее будущее. Если не стонать и не умиляться собственному убожеству (оно же – “величие”, при взгляде с другой стороны), можно сделать очень много. Подрастает и крепнет поколение, для которого свобода и знание – естественная среда. Щелкнув пальцами, оно может выудить из океана реального и виртуального миров любую информацию, быстро обработать ее и почти мгновенно распространить. Это новое поколение. А “старые” еще совсем не безнадежны и тоже способные узнавать, обобщать, передавать. Никакие судорожные запреты, Великие китайские/российские/корейские стены не остановят информационную революцию. Наша страна, при всей ее современной аномальности, никуда от мира не убежит.

И еще одну важную вещь нам нужно помнить, начиная читать эту книгу. Сергей Алексашенко не чудо-доктор, не инопланетянин и даже не иностранец. Он полноправная часть, здоровая клетка нашего российского организма. Когда мы перевернем последнюю страницу, уверен, что таких клеток станет еще больше, чем сейчас.

Сергей Бунтман

первый заместитель главного редактора радиостанции “Эхо Москвы”

I

Анализ ситуации 2014–2018 гг

Экономика России к началу эпохи “после Путина” 2014

Экономика – механизм чрезвычайно инерционный. Эффект даже самых сильных потрясений может сказываться через несколько месяцев, а результаты принятых властями решений, изменений в законодательстве, в методах и принципах регулирования могут проявляться через несколько лет. Это заставляет с особой осторожностью относиться к сценарному прогнозированию: если применительно к политическим процессам можно идентифицировать некие развилки, которые приводят к принципиально различным сценариям, то в прогнозировании экономических процессов даже радикально отличающиеся друг от друга сценарии будут развиваться под воздействием инерции предыдущих лет, силы накопленных трендов, а также внешних (для экономики) предпосылок. И никакая власть не может на них повлиять в кратко- или даже среднесрочной перспективе.

Для данного сценарного упражнения – Россия на пути к 2025 году – в качестве базового условия выбрана гипотеза о том, что в 2018 году Владимир Путин будет переизбран на очередной президентский срок и, таким образом, останется в Кремле как минимум до 2028-го. Экономическая ситуация в России в этом базовом сценарии будет развиваться инерционно, без радикальных изменений в экономической политике, но одновременно будут набирать силу новые внешние (по отношению к экономике, но не к России) факторы, которые уже сегодня отчетливо видны, но чье воздействие на экономику пока не очень ощутимо. Для того чтобы получить представление о механизмах развития такого сценария, необходимо совершить краткий экскурс в экономическую историю России начиная с 1999 года. Это позволит зафиксировать движущие силы экономического роста до кризиса 2008-го и причины его замедления в 2011–2014-м, а также определить характерные элементы экономической политики Владимира Путина.

В качестве отклонений от базового сценария вкратце будут рассмотрены два варианта: 1) “новая холодная война” как следствие российской политики в отношении Украины; основными факторами этой войны станут экономические санкции со стороны Запада и попытка российского руководства обеспечить развитие с опорой на собственные силы, и 2) “смена вех”, в ходе которой российское руководство (независимо от личностей) примерно в середине прогнозного периода осознает глубину экономических проблем и начнет заниматься их решением.

Российское экономическое чудо: а было ли оно?

Десятилетний период, с конца осени 1998-го до середины 2008 года, вполне можно рассматривать как “русское экономическое чудо” – средние темпы роста экономики в этот период составили примерно 7 % в год, что очень много по мировым меркам. Но для того, чтобы России удалось “зацепиться” за такие темпы, нужно, чтобы у экономической динамики был мощный двигатель роста, опирающийся на сочетание природно-географических, политических и экономических факторов. Однако уже к 2010–2011 годам стало понятно, что удерживать семипроцентный рост экономика России не может, и это позволяет утверждать, что в первом десяти-

летию XXI века никаких рецептов быстрого роста политическому руководству страны найти не удалось. Посекторный анализ экономической динамики России в это десятилетие показывает, что период быстрого экономического роста не был однородным: в разные периоды времени его определяли разные факторы, которые сменялись, а временами наслаивались друг на друга.

– 1999–2001 – рост обусловлен резкой девальвацией рубля во время кризиса 1998-го, которая повысила конкурентоспособность российских товаров, в первую очередь продуктов неглубокой переработки сырья и потребительских товаров. Действие этого фактора оказалось исчерпанным к середине 2001-го;

– 1999–2004 – стабильность прав собственности и основных правил игры в экономике привели к резкому росту инвестиций и эффективности частных компаний в экспортно-ориентированных сырьевых секторах. Производство нефти в физическом выражении в это время выросло на 50 %, металлов – на 30–35 % (для сравнения: производство газа в этот период увеличилось всего на 10 %). Действие этого фактора в основном было исчерпано к середине 2004-го под влиянием “дела ЮКОСа”;

– 2002–2005 – быстрый рост нефтяных цен на мировом рынке и запоздалое (лишь в конце 2008-го) повышение налоговой нагрузки на нефтяной сектор привело к формированию существенных финансовых ресурсов у частных компаний, которые частично были направлены на цели развития;

– 2005–2008 – быстрый рост внешней задолженности корпоративного и банковского сектора привел к перегреву экономики; практически весь рост был сконцентрирован в неторгуемых секторах (финансы, строительство, операции с недвижимостью).

Таким образом, надо признать, что основной причиной десятилетия бурного роста была не экономическая политика президента Путина, а наследие так нелюбимых им реформ 90-х годов и внешние факторы.

Кризисное “похмелье”

Существует распространенная точка зрения, что кризис 2008-го пришел в Россию извне, а никаких внутренних предпосылок для кризиса в России в тот момент не было. Хотя самый мощный за последние 80 лет мировой экономический кризис, разумеется, оказал сильнейшее воздействие на экономику большинства стран мира, включая Россию, тем не менее указанная точка зрения не имеет под собой оснований. Конечно, события лета-осени 2008 года, когда финансовый шторм рушил один за другим крупнейшие американские финансовые институты и, в конечном итоге, привел к параличу мировой банковской системы, сыграли крайне негативную роль и спровоцировали многие негативные для российской экономики тенденции и процессы. Но нельзя не отметить, что к этому кризису экономика России подошла “беременной кризисом”; к лету 2008-го в ней сформировались болевые точки, которые на горизонте двух-трех лет должны были стать причиной кризисных явлений. По крайней мере, об этом говорит опыт многих развивающихся стран, попадавших в аналогичные ситуации. Такими болевыми точками были:

1) перегрев экономики с признаками “голландской болезни”, которая росла исключительно за счет неконкурентных секторов (главным образом, строительство, операции с недвижимостью и финансовый сектор). Если в 2006–2007-м многие эксперты отрицали наличие и

перегрева, и голландской болезни, то к началу кризиса это стало общей позицией в оценке ситуации. Даже правительственные чиновники признавали некоторые признаки перегрева. Опыт мировой экономической истории утверждает, что бескризисный выход из состояния перегрева – крайне редкое явление;

2) резкое ослабление платежного баланса; положительное сальдо текущих операций удавалось поддерживать исключительно за счет быстрорастущих нефтяных цен. Экспертная оценка говорит о том, что границей устойчивости платежного баланса России является величина положительного сальдо счета текущих операций (СТО) в размере 0,5–1 % ВВП. Традиционно, когда величина СТО опускалась ниже этого уровня, российская валюта резко ослабевала. Так было в 1997–1998 годах, так случилось и в 2008 м¹;

3) быстрое наращивание внешнего долга корпоративным и банковским секторами², который с начала 2005 года прирастал на 100–120 млрд долл. ежегодно. Самым опасным для экономики был даже не размер совокупного долга, накопленного к моменту кризиса (долг был относительно невелик – 508 млрд долл., менее 32 % ВВП), а то, что примерно треть его подлежала погашению в течение полутора лет: с третьего квартала 2008 года по четвертый квартал 2008-го. Можно говорить, что в 2008-м произошло определенное дежавю: повторение кризиса 1998 года, только не с государственным долгом, а с корпоративным. Стратегия внешних заимствований российских банков и компаний была построена не на точном расчете эффективности собственной деятельности, что позволило бы генерировать положительный финансовый поток, достаточный для обслуживания долга, а на логике рефинансирования “короткий долг – длинный долг – продажа акций”. В результате банки и компании стали заложниками конъюнктуры финансовых рынков. Опыт многих развивающихся стран (Мексика в м, Корея, Таиланд, Индонезия в 1997-м, Турция в 200 м) свидетельствует о том, что рано или поздно наступает “точка насыщения”, когда инвесторы считают, что дальнейшее кредитование становится слишком рискованным, и прекращают давать новые займы, требуя, однако, погашения старых;

4) Центральному банку России не удалось создать нормально функционирующую систему банковского надзора. Банк России не только оказался не в состоянии адекватно оценивать риски банковской системы в целом или отдельных банков³, но и не смог отследить банальные случаи разворовывания активов, например в Связь-Банке, банке “Электроника” или Межпромбанке. Российские банки пренебрегли всеми разумными ограничениями в своей деятельности и, уверовав в тенденцию постоянного укрепления российского рубля, взяли на себя несоразмерные валютные риски. По оценкам Банка России, незастрахованная открытая валютная позиция российских банков (несовпадение их обязательств и активов) к осени 2008 года составила примерно 130 млрд долл.⁴, что соответствовало величине капитала банковской системы. Такая ситуация означает, что 10 %-ная девальвация рубля немедленно приводила к потерям банковской системы в размере 13 млрд долл., при том, что вся прибыль российской банковской системы за три квартала 2008-го составляла 354 млрд рублей (14 млрд долл. по курсу на начало октября 2008-го).

¹ Так случилось и в 2013–2014 годах.

² http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/debt_maturity.htm&pid=svs&sid=vdRF_fisp

³ Например, Глобэкс-банк, который за счет краткосрочных депозитов населения финансировал долгосрочные девелоперские проекты своего собственника; или банк КИТ-Финанс, который на заемные средства организовал массированную скупку акций телекоммуникационных компаний.

⁴ См.: Выступление первого заместителя председателя Банка России Алексея Улюкаева на XVII Российском банковском форуме, организованном Институтом Адама Смита в Лондоне в ноябре-декабре 2010 г.

Кризис 2008–2009 годов оказался чрезвычайно разрушительным для российской экономики. Ее падение от точки максимума (середина 2008-го) до точки минимума (конец первого квартала 2009-го) составило 10 %. Был разрушен механизм докризисного роста, восстановление было крайне медленным и опиралось исключительно на финансовые вливания государства (частный бизнес и банки занимались реструктуризацией долгов и не могли инвестировать в развитие значимые объемы ресурсов). Докризисного уровня российская экономика достигла только в конце 2011 года, то есть на преодоление последствий кризиса ей понадобилось 13 кварталов.

Экономика России в базовом сценарии

К моменту выхода из кризиса стало понятно, что на дальнейшее сохранение исключительно благоприятной внешней среды (продолжение роста сырьевых цен, наращивание корпоративного внешнего долга) российской экономике рассчитывать не приходится, а приходится рассчитывать лишь на “внутренний” потенциал⁵.

Ключевой вопрос для прогноза может звучать так: есть ли основания ожидать, что наблюдаемые сегодня негативные процессы в экономике будут постепенно набирать силу и со временем перерастут в экономическую катастрофу, что создаст предпосылки для резкого ослабления режима и возможной его смены? Вкратце ответ на него звучит следующим образом: каркас российской экономики чрезвычайно устойчив. В базовом сценарии к концу прогнозного периода “Россия на пути к 2025” экономические проблемы могут сильно ослабить режим, но не обрушить его. Аргументация выглядит следующим образом:

1. Любая экономика является внутренне устойчивым организмом, и разрушить эту устойчивость не очень просто. Устойчивость российской экономики повышается в силу ее примитивной структуры. Так, 85 % экспорта – сырье и продукты его первичной переработки (67 % – углеводороды). Понятно, что в растущей мировой экономике спрос на сырье будут сохраняться. Замедление экономического роста в Китае и его переход на режим снижающегося ресурсопотребления на протяжении прогнозного периода будет компенсироваться нарастанием спроса на первичные ресурсы в Индии и Африке. Следовательно, российские сырьевики будут ресурсы добывать и до определенной степени перерабатывать (в том числе и за счет освоения новых месторождений в Восточной Сибири, для чего потребуются масштабные точечные инвестиции); транспортники будут его перемещать (по железной дороге или трубопроводам), банкиры обслуживать финансовые потоки, связисты обеспечивать связь и т. д. В силу высокой зависимости российской экономики от импорта будет работать вся система экспортно-импортно-й торговли и логистики. Будет работать ОПК, которому выделены громадные финансовые ресурсы, бюджетный сектор, строительство жилья, пищевая промышленность. Все это составляет каркас российской экономики, и этот каркас чрезвычайно устойчив. Конечно, его состояние будет зависеть от внешней конъюнктуры, но было бы неправильно ожидать, что на десятилетнем горизонте произойдет более чем один глобальный кризис (который будет и слабее, и короче кризиса 2007–2009 годов).

2. Зависимость российской экономики и, что более важно, федерального бюджета от мировых цен на нефть крайне велика. Но пока не видно причин для сильного (25 % и более)

⁵ Эта статья была написана весной 2014 г. после аннексии Крыма, когда вооруженный конфликт на востоке Украины еще только начинался и российские войска в нем не участвовали.

и долгосрочного снижения мировых цен на нефть⁶. Набор аргументов в пользу этой позиции достаточно убедителен⁷:

- страны ОПЕК (Саудовская Аравия) уже подогнали свои бюджетные расходы к текущим уровням цен и сегодня, скорее, готовы двигаться в сторону снижения добычи, чем наращивать ее с одновременным снижением цен;

- Россия не может нарастить добычу нефти, но вряд ли пойдет и на ее сокращение. Последнее возможно только в случае, если страны Запада объявят бойкот российской нефти, а глобальным компаниям запретят технологическое сотрудничество с нефтяной отраслью России (но это выходит за рамки базового сценария);

- влияние сланцевого газа на десятилетнем горизонте будет слабым. В Европе его добыча в значимых объемах не начнется (может быть, за исключением Великобритании, но это будет компенсировать спад добычи газа в Северном море). Импорт газа из Америки будет ограниченным, так как это немедленно приведет к росту цен на газ в США, что подорвет экономику многих инвестиционных проектов;

- в мире пока не существует экономически оправданных технологий, позволяющих отказаться от двигателя внутреннего сгорания в автомобиле, которые находились бы на стадии внедрения. А автомобильный транспорт потребляет примерно 50 % производимой в мире нефти. Хотя технологические усовершенствования позволят снизить потребление бензина современными автомобилями⁸, рост уровня жизни в развивающихся странах будет способствовать росту автомобилизации, и тем самым указанное снижение будет компенсировано.

3. Важным трендом развития нефтегазовой отрасли России станет постепенное истощение крупных, хорошо освоенных месторождений Западной Сибири и перемещение добычи в Восточную Сибирь и на северный шельф. Согласно прогнозным оценкам Минэнерго, к 2025 году примерно четверть российской нефти будет добываться в новых регионах (менее 5 % сегодня). Поскольку освоение и разработка новых месторождений являются существенно более дорогими, то российское правительство пошло на снижение (и временами отказ от взимания) экспортной пошлины при экспорте нефти с этих месторождений. Если предположить, что в среднем снижение экспортной пошлины составит 50 %, то это приведет к снижению доходов федерального бюджета примерно на 5–7 % (при прочих равных условиях)⁹.

4. Напряжение в бюджетной системе России постепенно будет нарастать. Резкое замедление роста экономики приведет к крайне медленному росту или стагнации доходов бюджетной системы в реальном выражении. Уже сегодня для того, чтобы уложиться в заданные бюджетные ограничения, российским властям приходится идти на сокращение инвестиционных расходов и активно прибегать к использованию несистемных источников (конфискация пенсионных сбережений 2014-го, использование средств Фонда национального благосостояния) или к откровенному эмиссионному финансированию со стороны Банка России (кредитование

⁶ Краткосрочные снижения цен на нефть бюджет компенсирует Резервным фондом и девальвацией рубля, глядя из будущего: именно так случилось в 2015–2016 гг.

⁷ Глядя из будущего: я много раз говорил о том, что прогнозировать цены на нефть – вещь неблагодарная, но не удержался и выдал свой прогноз за полгода до того, как цены на “черное золото” начали стремительно снижаться в августе 2014 г. Перечитывая свой текст, я понимаю, что не слишком опирался на высокие нефтяные цены в своем прогнозе, скорее, хотел сказать, что не стану в базовом сценарии прогнозировать экономический кризис, связанный с их падением (что, в принципе, правильно для долгосрочного прогноза), и что производство и экспорт углеводородов будут удерживать весь каркас экономики России как минимум в ближайшие 15–20 лет.

⁸ Не стоит забывать, что средний возраст автомобильного парка, например, в США составляет 11,4 года, то есть для получения полномасштабного эффекта от новых технологий потребуется не менее 6–7 лет.

⁹ Скорее всего, в силу соглашений о создании Таможенного союза России придется пойти на резкое снижение размера экспортной пошлины или на полную ее отмену, но очевидно, что в таком случае российские власти создадут альтернативный механизм налогообложения нефтяной отрасли, который как минимум не приведет к снижению доходов бюджета.

ВЭБа, кредитование банков под залог долгосрочных кредитных договоров). При планировании бюджетов 2013–2015 годов Минфин России активно сдвигал расходы по финансированию многих обещаний Владимира Путина («~майские указы»), сроки которых не были жестко привязаны к периоду 2016–2018 годов, что неизбежно будет вести к росту давления на расходную часть бюджета. В рамках базового сценария можно предположить, что начиная с 2017–2018-го дефицит федерального бюджета России будет медленно расти (например, на 0,3 % ВВП в год) и к 2025 году достигнет 3–4 % ВВП. Это вряд ли приведет к быстрому росту госдолга, так как дефицит будет финансироваться главным образом за счет внутренних источников и, следовательно, обесцениваться из-за текущей инфляции.

5. Финансовое положение регионов будет ухудшаться быстрее, так как их доходы в большей мере зависят от внутренней конъюнктуры (налог на прибыль, подоходный налог), но при этом регионы не способны повлиять на налоговые ставки или изменить базу налогообложения¹⁰. С другой стороны, регионы будут вынуждены наращивать расходы или изменять их структуру, так как именно на них в значительной мере возложены обязательства по выполнению «майских указов» Владимира Путина. Представляется, что постепенно регионы сократят до минимума свои инвестиционные проекты и продолжат наращивание долгов. В рамках выстроенной вертикали власти Минфину России придется все активнее брать на себя дополнительные функции по контролю за бюджетами регионов и в конечном итоге также и ответственность за их расходы¹¹. Постепенно бюджетная конструкция будет все отчетливее трансформироваться из федеративной в унитарную. Впрочем, этот процесс начался еще в 2003-м под руководством тогдашнего министра финансов Алексея Кудрина.

6. На рассматриваемом горизонте самую серьезную угрозу устойчивости экономики создает инфляционно-девальвационная спираль. С лета 2008-го российская экономика начала ощущать постепенное исчезновение нефтяной подушки безопасности – курс рубля (к бивалютной корзине) начал потихоньку снижаться. К лету 2013-го этот запас прочности исчез совсем, и снижение курса рубля ускорилося. Как только население осознало этот факт, люди начали конвертировать свои сбережения в валюту: наличность – активнее, депозиты – помедленнее. С января 2014 года ослабление курса рубля стало сказываться на инфляции примерно с коэффициентом 0,1. Судя по всему, в ближайшие годы трендовое ослабление рубля (которое будет обеспечивать устойчивость платежного баланса при умеренных – до 50 млрд долл. в год – продажах валюты Центральным банком) составит 12–15 % в год¹². Такая девальвация будет постепенно разогревать инфляцию, которая к 2018-му может превысить 10 % в год, а к 2025-му – 20 %.

7. Нет оснований утверждать, что российское население будет остро и активно реагировать на рост инфляции – такого не было в течение последних двадцати лет, хотя в социологических опросах респонденты часто называли рост цен в числе главных проблем. Да, уровень жизни значительной части населения перестанет расти, что приведет к снижению рейтингов поддержки политических лидеров, но это вряд ли отразится на электоральных результатах. Последние поправки в избирательное законодательство однозначно говорят о том, что россий-

¹⁰ Введение налога на недвижимость, который может укрепить доходы регионов, тормозится неготовностью налоговых правил и незавершенной работой по созданию глобального реестра недвижимости.

¹¹ <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/26510851/devalcaciya-ukazov>

¹² У девальвации рубля есть побочный положительный (для бюджета) эффект: в 2013 г. 50 % доходов федерального бюджета были привязаны к долларовой цене на нефть, а еще 13 % доходов составляли НДС и акцизы на импорт, также имеющие под собой валютное основание. Это означает, что 10%-ная девальвация рубля (при прочих равных условиях) ведет к росту доходов федерального бюджета на 5–6 %.

ская власть приняла решение не допустить скольлибо серьезной потери позиций ни на федеральном, ни на региональном уровне. Иными словами, никакой реальной политической конкуренции на выборах здесь не будет.

8. Инфляционно-девальвационная спираль будет влиять на экономику через ослабление устойчивости банковской системы, которой придется брать на себя все большие объемы рисков. Постоянная девальвация либо (А) сделает рублевые депозиты непривлекательными для населения, и банки должны будут привлекать валюту, но выдавать кредиты экономике в рублях, либо (В) сделает рублевые кредиты очень дорогими для экономики, что подорвет финансовые механизмы поддержки экономического роста¹³.

9. Серьезнейшей проблемой российской экономики в прогнозном и постпрогнозном периоде (безотносительно к политическому режиму и проводимой политике) является демография. Все прогнозы говорят о грядущем резком снижении численности рабочей силы, которую не сможет компенсировать приток мигрантов из Средней Азии¹⁴. В теории Россия могла бы преодолеть негативный эффект (сокращение рабочей силы плюс относительный рост численности неработающего населения) за счет повышения производительности труда, но этот сценарий требует масштабных инвестиций. Между тем при нынешнем качестве инвестиционного климата и нынешнем уровне защиты прав собственности и контрактного права привлечение масштабных инвестиций крайне маловероятно. Соответственно, в отсутствие значимых инвестиций в России будет работать обратная зависимость: для того чтобы поддерживать нынешние масштабы экономической деятельности, потребуется как минимум сохранять стабильную численность рабочей силы¹⁵. Если же (независимо от причин) России не удастся удерживать объем рабочей силы на стабильном уровне, это станет действенным фактором снижения темпов экономического роста.

10. Нарастающий дефицит квалифицированной рабочей силы будет толкать бизнес к повышению зарплат для удержания работников. (Кроме того, бизнесу придется реагировать на то, что бюджет время от времени будет инициировать гонку зарплат.) Это приведет к повышению удельных расходов экономики на рабочую силу, что в свою очередь снизит инвестиционную привлекательность. Получается своеобразный заколдованный круг, из которого трудно вырваться любому правительству, а тем более такому популистскому, как путинское.

11. Демографические ограничения сами по себе не будут создавать угрозы режиму в экономике: они будут сдерживать рост, содействовать разогреву инфляционного давления, противодействовать появлению высокотехнологичных отраслей. Но не более того.

12. В целом, базовый экономический сценарий предполагает стагнацию экономики с возможным чередованием периодов медленного роста и незначительных спадов, нарастающие бюджетные проблемы, рост инфляции и перманентно слабеющий рубль. Неготовность Владимира Путина идти на серьезные политические реформы, связанные с восстановлением вер-

¹³ С точки зрения устойчивости платежного баланса и давления на курс рубля значимым фактором (помимо счета текущих операций), безусловно, является интенсивность оттока капитала из России. Для базового сценария мы исходим из ее «нормальной» величины, а повышенный отток капитала будет являться элементом пессимистического сценария Б.

¹⁴ С одной стороны, и в этих регионах ресурсы рабочей силы не безграничны, это – не Китай. С другой стороны, приезжающие в Россию работники существенную часть своих заработков отправляют на родину, что снижает потребление внутри России и давит на платежный баланс. Кроме того, не будучи вовлеченными в систему уплаты налогов, они будут создавать «бюджетные ножницы»: относительное падение доходов бюджета и рост спроса на бюджетные услуги (образование и здравоохранение).

¹⁵ Или же добиваться ее роста (в силу более низкого профессионального качества иностранных работников).

ховенства права и созданием независимой судебной системы, будет главным препятствием на пути улучшения инвестиционного климата в стране. Без этого российская экономика не сможет рассчитывать на устойчивый рост инвестиций и в результате будет все больше отставать и по уровню развития, и по качеству жизни населения не только от развитых, но и от стран-конкурентов. Хотя все эти экономические процессы будут крайне неприятны для властей, в базовом сценарии количество не переходит в качество и экономическая ситуация не доходит до критической. Перевести негативные процессы в кризисные могут какие-то триггеры. Такими триггерами могут стать решения властей более активно использовать административные рычаги регулирования экономики, к числу которых относится, например, введение контроля над ценами или масштабные ограничения на использование депозитов (запрет на досрочное снятие), а также политические изменения в стране (смена лидера) или внешние факторы.

Сценарий Б: самоизоляция

В рамках данного сценария предполагается рост напряженности в политических отношениях с Западом, что, с одной стороны, будет вести к постепенному углублению и расширению экономических санкций против России, а с другой стороны, к ее постепенной самоизоляции от мировой экономики в соответствии с решениями политического руководства. Россия занимает слишком большую долю на мировых сырьевых рынках, и даже в среднесрочной перспективе закрыть ей дорогу к потребителям будет невозможно – мировой спрос на сырье не может резко сократиться. Если европейский рынок окажется закрыт для российских компаний, они будут объективно переключаться на поиск потребителей в Азии (Китай и Индия) и Африке. Очевидно, что переключение на новые рынки сбыта не может пройти одномоментно, и российская экономика должна будет пойти на временное снижение объемов производства, на рост транзакционных издержек и на снижение экспортных цен (как это происходит в случае с Ираном, который живет под санкциями уже несколько лет и предоставляет Китаю 20–25–32 %–ные скидки к цене на нефть). Самыми болезненными для России станут финансовые санкции (запрет для западных банков на обслуживание счетов российских банков и запрет на страхование и перестрахование российских рисков). В сегодняшнем мире есть две глобальные валюты – доллар и евро, которые обслуживают основную долю мировой торговли. В случае введения финансовых санкций российские банки утратят возможность использовать мировые валюты второго уровня – Великобритании, Швейцарии, Канады, Австралии и т. д. Это означает, что им придется выстраивать сложные и дорогие финансово-логистические схемы с использованием китайского юаня, индийской рупии, бразильского реала, что приведет к существенному удорожанию российского импорта и еще более разогреет инфляцию. Высокий уровень санкций против России, который рассматривается в рамках данного сценария, может привести к запрету на экспорт в Россию запасных частей и комплектующих для ранее проданных товаров (промышленное оборудование и потребительские товары). Результатом станет постепенное обветшание и промышленных мощностей, и домашнего оборудования, и автомобильного парка. Представляется, что сильный негативный эффект от такого сценария может наступить не ранее, чем через пять лет после начала его реализации. Однако на протяжении этого периода отток капитала из России резко усилится, годовые объемы продаж валюты Банком России могут составлять до 100 млрд долл., что быстро приведет к их исчерпанию¹⁶.

¹⁶ Глядя из будущего: на самом деле Банк России фактически исчерпал свои валютные резервы к весне 20-го. Сначала, с лета 2013 по осень 2014 г., Банк России после прихода на пост председателя Э. Набиуллиной потратил около 100 млрд. долларов на поддержку курса рубля при быстро ослабевавшем платежном балансе, а потом потратил еще такую же сумму в период острой фазы валютного кризиса (ноябрь 2014 – март 2015 гг.). После введения первой волны западных санкций против России и начала вооруженного конфликта на востоке Украины Банк России осознал угрозу возможного усиления санкций и

После этого самым серьезным следствием финансовых санкций может стать превращение рубля в неконвертируемую валюту и исчезновение легального внутреннего валютного рынка. Российские власти должны будут принять решение о принудительной конвертации валютных депозитов и кредитов в рубли¹⁷, об ограничении свободы обмена рублей на иностранные валюты, а также ввести рационирование (распределение) поступающих в экономику валютных ресурсов. Это будет подталкивать российский бизнес к еще более интенсивному выводу капитала из страны (уже в основном в полулегальных формах), а наиболее активную часть населения к трудовой эмиграции в Восточную Европу. Столкнувшись с этим, власти могут начать масштабную юридическую или фактическую национализацию сырьевых компаний. Российские банки и компании, которые активно занимали средства на внешних рынках, в массовом порядке объявят дефолт по своим долгам, что окончательно изолирует финансовую систему России от мировой.

В результате такого развития событий негативные тренды, которые существуют в базовом сценарии (инфляция, девальвация, дефицит квалифицированной рабочей силы), будут развиваться с существенно более высокой скоростью; экономика будет устойчиво сокращаться, уровень жизни населения – снижаться. В таком сценарии к 2025 году Россия окончательно выйдет из категории развивающихся стран. Наиболее близкими историческими аналогиями для нее в долгосрочной перспективе станут, в лучшем случае, Аргентина XX века (то есть экономика страны будет топтаться на одном уровне, со слабой тенденцией к росту, заметно более медленному, чем у сопоставимых стран) или Заир/Зимбабве. При наихудшем развитии событий экономика страны рискует потерять 20–30 % в течение 15–20 лет. Однако и в этом сценарии негативные экономические процессы могут привести к политическим переменам в пределах нашего прогнозного периода только в случае появления сильнодействующих триггеров.

Сценарий В: смена вех

В рамках данного сценария можно предположить, что в середине прогнозного периода (2018–2019 годы) в России происходят серьезные политические изменения (мы не обсуждаем ни их причин, ни механизмов, ни форм реализации). Эти изменения приводят к тому, что власть начинает реагировать на накопившиеся экономические проблемы и радикально меняет экономическую политику. Очевидно, что эти изменения могут быть направлены как на усиление административного контроля за экономикой, так и на постепенное преодоление коренных причин нынешнего положения дел. Первый вариант будет толкать Россию в сторону сценария “Самоизоляция”, поэтому его описание можно не повторять. Второй – может создать основу для иного развития событий. Попробуем пофантазировать на эту тему. Итак, в рамках новой политико-экономической парадигмы российские власти¹⁸:

– решительно реформируют судебную систему с целью придания ей независимости: происходит пересмотр наиболее резонансных дел, виновные в злоупотреблении правом и в давлении на суд несут наказание; происходит очищение системы от судей, которые скомпрометировали себя; создается верховная апелляционная инстанция с привлечением иностранных судей, которая вправе пересматривать решения российских судов, вплоть до принятия решений о реституции собственности; на работу в судебную систему привлекаются свежие кадры;

убедил президента Путина в том, что необходимо прекратить валютные интервенции для поддержки курса рубля и перейти к политике плавающего курса. И тактически (с точки зрения сохранения валютных резервов), и стратегически (с точки зрения повышения гибкости и устойчивости экономики) это было абсолютно правильное решение.

¹⁷ Глядя из будущего: возможность именно такого сценария озвучил в сентябре 2018 г. президент банка ВТБ Андрей Костин.

¹⁸ Перечень ключевых шагов заведомо является неполным, и каждый желающий может его расширить, последовательность перечисления ключевых шагов не является отражением каких-либо приоритетов.

- реформируется система правоохранительных органов с целью создания системы правоприменения и равенства всех перед законом: уничтожаются все ее части, выполнявшие функции политической полиции, проходит тотальная антикоррупционная проверка руководящего звена этих органов на федеральном, региональном и местном уровнях с рассмотрением даже анонимных заявлений; из системы увольняются те, кто участвовал в политических процессах или в рейдерско-рэкетирских операциях;

- замораживаются активы “новых олигархов”, и проводится расследование истории их возникновения. В случае выявления признаков коррупции эти активы конфискуются в пользу государства и передаются в собственность Пенсионного фонда;

- происходит резкое снижение административного регулирования бизнеса со стороны государства и массированная приватизация государственной собственности;

- создается должность независимого прокурора по борьбе с коррупцией;

- проходят досрочные выборы в Государственную думу, к которым не допускаются те лица, которые голосовали за принятие наиболее одиозных законов. Резко ослабляются ограничения для участия партий в выборах;

- восстанавливаются федеративные основы государства: меняется избирательное законодательство, президент теряет право назначения и снятия губернаторов, отменяется система муниципальных фильтров; пересматривается распределение налогов и расходных обязательств между уровнями власти; восстанавливается система бюджетного федерализма, основанная на законодательных принципах предоставления межбюджетных трансфертов;

- резко ослабляются ограничения на участие иностранного капитала в российской экономике.

Такой набор шагов, конечно, не может быть реализован в течение одного месяца и не способен привести к резкому улучшению экономической ситуации в стране. Но для инвестиционного климата важны и политические намерения, и последовательность движения в объявленном направлении. В результате через два-три года российская экономика начинает ощущать новые жизненные силы и постепенно преодолевать накопленные негативные тренды.

* * *

Как и к любой другой попытке сценарного прогнозирования ко всему изложенному выше нужно относиться с полным пониманием того, что в распоряжении автора нет никакой “машины времени” или магического зеркала, которые могут помочь ему заглянуть в будущее. Свою задачу автор видел в том, чтобы выделить те тренды, которые сформировались в российской экономике к настоящему времени. Кроме того, предпринята попытка определить те ограничения, в рамках которых будут действовать российские власти, и обратить внимание на ключевые внешние (по отношению к действиям властей) факторы, которые будут оказывать существенное воздействие на развитие экономики, и на этой основе продлить действие выявленных трендов на прогнозный период. Автор не является сторонником апокалиптических прогнозов, в которых на коротком промежутке времени происходят сначала катастрофы, а затем преодоление их последствий. Для этого пришлось бы какимто образом преодолеть инерционность экономики, в которой принимаемые сегодня решения могут давать результат лишь через два-три года. Это потребовало бы не только найти рецепты политических и институциональных реформ в России (верховенство права, защита прав собственности, федеративное государство, система разделения властей и политических сдержек и противовесов), но и понять, кто, когда и почему может стать их движущими силами. Одним словом, все сказанное выше является лишь пищей для размышлений.

Заметки на ходу 2017

На основе данных World Economic Outlook Международного валютного фонда построил вот такой интересный график – как росли страны после кризиса 2008 года?

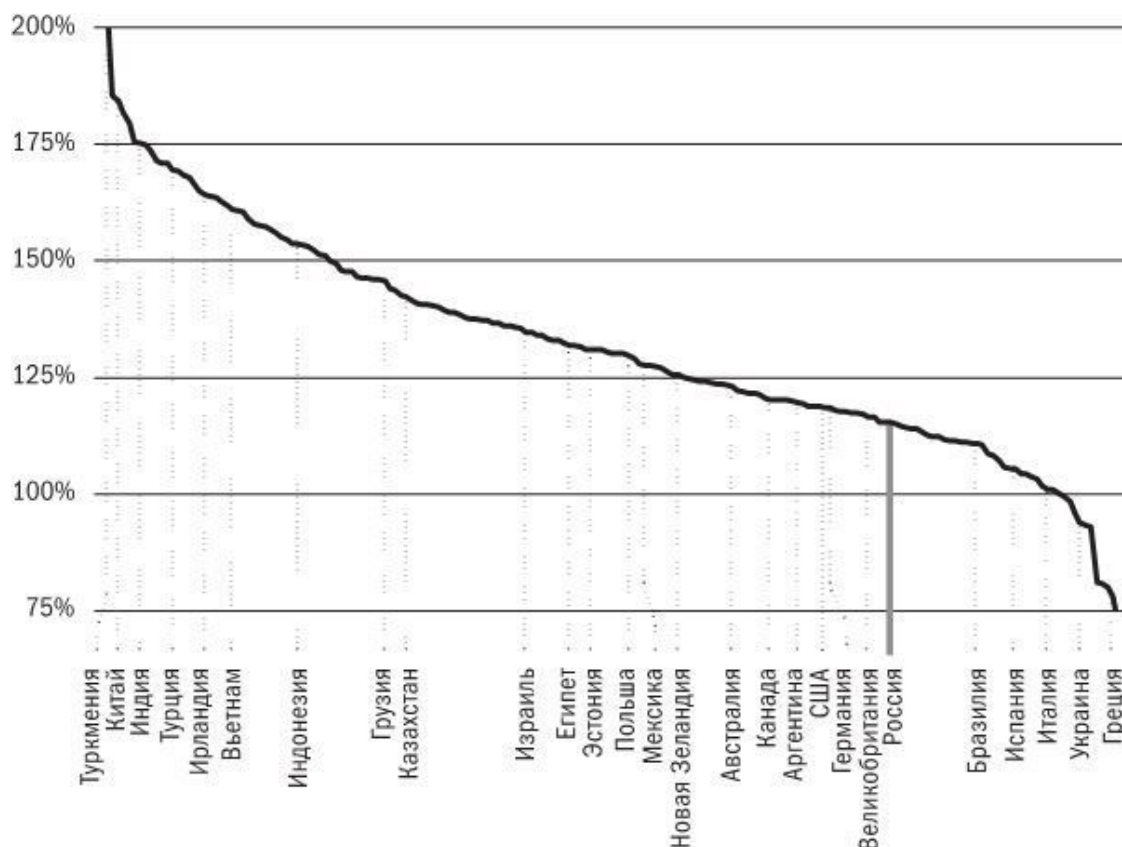

График 1.

Рост ВВП в разных странах мира за 2009–2018 гг., 2009 г. = 100%

Понятно, что ситуация у всех разная, и кто-то тот кризис не заметил вовсе, а кто-то “залетел” как следует. Но для сравнения взял 2009 год за 100 и дальше протянул темпы роста за следующие восемь лет. Что тут можно сказать?

Во-первых, Россия, занимая 147-е место из 191 страны, явно не худшая в этом ряду – больше половины Евросоюза “болтается” между отметками 100 и 110, не говоря уже о Венесуэле и Греции. Ливию и Украину вряд ли стоит рассматривать в данном сравнении – цена войны колоссальна и для той, и для другой страны.

Во-вторых, средние темпы роста индийской экономики за эти восемь лет (7,25 %) вплотную приблизились к Китаю (7,94 %), а значит, Индия в результате реформ премьера Моди серьезно разогналась и будет в ближайшую пару десятилетий предъявлять растущий спрос на сырье, что, конечно, хорошо для российской экономики.

В-третьих, и президент Путин, и премьер Медведев в своих выступлениях, говоря о причинах российского экономического кризиса, постоянно говорят о “внешнем факторе”, которого, конечно же, не существует. Помимо России в 2015–2016 годах, т. е. два года подряд, экономический спад зафиксирован в 8 странах (Бразилия, Бурунди, Суринам, Тринидад и Тобаго,

Йемен, Пуэрто-Рико, Макао, Эритрея), на долю которых приходится 2,9 % мирового ВВП по ППС (паритету покупательной способности).

Заметки на ходу, продолжение 2017

Следующий вопрос – а сколько российская экономика недополучила за третий президентский срок Владимира Путина? И можно ли наверстать упущенное?

После глобального финансового кризиса 2007–2009 годов два года (2010–2011) российская экономика росла темпами, превышающими рост мирового ВВП, но начиная с 2012 года ситуация поменялась на противоположную. А в 2015–2016 гг. в России зафиксирована рецессия, хотя вся мировая экономика продолжала набирать темпы роста. На приведенном ниже графике хорошо видно это отставание, которое началось задолго до снижения мировых цен на нефть и введения западных санкций против России.

Если бы российская экономика в 2012–2016 годах росла со скоростью 4 % ежегодно, то в 2016 году российский ВВП был бы на 19 % больше (безо всяких ухищрений со стороны Росстата). А совокупное накопленное отставание – упущенный рост – за эти пять лет составил 43 % от уровня ВВП 2016 года¹⁹. Вот эти два показателя, на мой взгляд, являются вполне наглядной оценкой стоимости экономической политики Владимира Путина. Политики, в которой отсутствует верховенство права, зато процветают коррупция и кумовство. Политики, в которой парламент не является местом для дискуссий, а любимый вид деятельности правоохранительных органов – кошмарение бизнеса. Политики, в которой нет денег для повышения пенсий и зарплат, но есть деньги на производство никому не нужных танков, на поддержку бандитов на востоке Украины, на посмешивший многих поход “Адмирала Кузнецова” вокруг Европы и на охрану силами ФСО многочисленных резиденций, принадлежащих благотворительным фондам, услугами которых (резиденций) может пользоваться только российский премьер-министр.

Можно ли наверстать упущенное? Теоретически – да. Если предположить, что мировая экономика будет расти со скоростью 3,3–3,5 % ежегодно, то для того, чтобы к 2030 году – то есть к завершению двух президентских циклов (2018-го и 2028-го) – российская экономика смогла это сделать, она должна, начиная с текущего года, ежегодно расти на 0,75%-ных пункта быстрее, т. е. со скоростью 4–4,3 % в год. Но такого оптимизма не видно ни у Минэкономки, ни у группы Кудрина, и даже сам Владимир Путин говорит о том, что опережать мировую экономику возможно лишь к 2020 году.

На днях стали известны первые прикидки прогноза нового министра экономики Максима Орешкина, который решил сразу “взять быка за рога” и выполнить поставленную задачу – в его прогнозе в целевом сценарии (успех которого опирается на набор структурных реформ, перечень которых пока неизвестен даже самому министру; в базовом сценарии – без реформ – российский ВВП растет на 1,5 % ежегодно) в 2020 году российская экономика растет на 3,1 %. (Почему-то в документах Минэкономки говорится, что это и есть опережение мировой экономики, хотя 3,1 % – это ее фактический рост в 2016 году, и основные прогнозы говорят о том, что она еще немного ускорится.)

¹⁹ Глядя из будущего: эта заметка была написана в начале 2017 г. За последующие полтора года практически ничего не изменилось, и экономическая цена президентства Владимира Путина продолжала нарастать. При темпе роста 4 % в год в 2012–2018 гг. к концу 2018 г. ВВП России мог бы быть на 21 % больше.

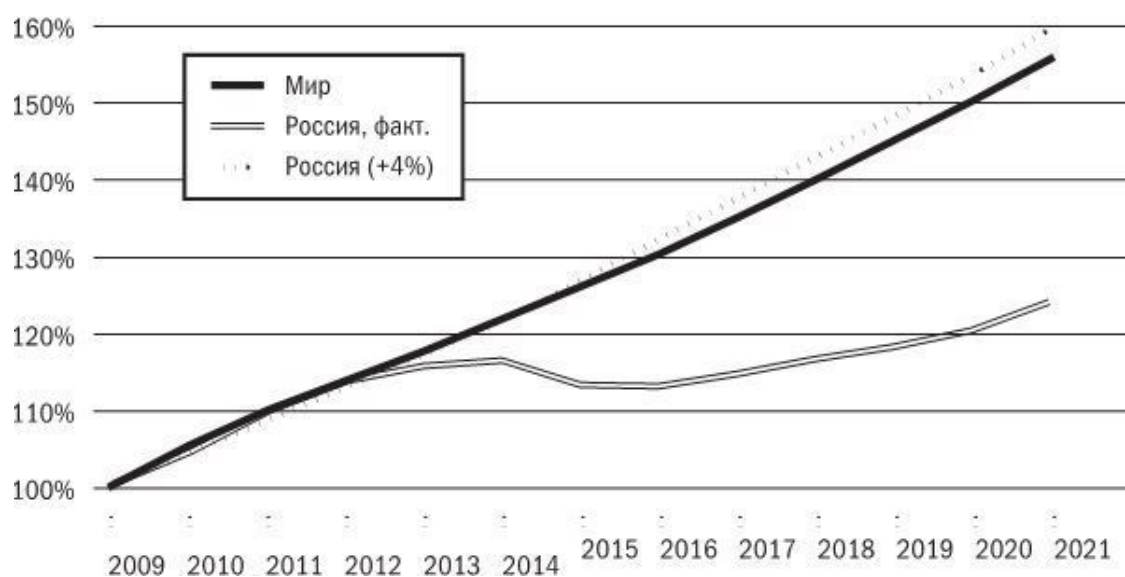

График 2.

Темпы роста экономики России и мировой экономики, 2009–2021 гг. (2009 г. = 100 %)

Примечание. Прогноз роста мировой экономики – МВФ (2018–2019 гг. – 3,7 %, 2020–2021 гг. – 3,6 %). Прогноз роста экономики России – Минэкономразвития, федеральный бюджет на 2019 г. (2019 г. – 1,3 %, 2020 г. – 2,0 %, 2021 г. – 3,1 %).

Источник: Росстат, IMF World Economic Outlook (October 2018).

А до того времени, 2020-го, экономика России будет постепенно разгоняться, что означает – отставание от мировой экономики будет лишь нарастать. Если прогноз Минэкономразвития будет вестим и на обещанные темпы роста российской экономике удастся выйти, то для достижения той же цели – компенсировать упущенное за последние пять лет – темп роста экономики нашей страны на протяжении следующих десяти лет (2021–2030) должен превышать рост мировой экономики на 1,5 пункта, т. е. расти со скоростью 4,8–5 % в год.

Примерно через полгода, с высокой степенью вероятности, мы узнаем о решении Владимира Путина пойти на очередной президентский срок, после чего услышим набор его предвыборных обещаний и увидим, будут ли там стоять такие амбициозные цели. Или прочитаем между строк банальную фразу: «Кому я должен, тому прощаю»?

Плохой хороший год 2016

Как ни странно это прозвучит, но прошедший 2015 год оказался хорошим для российских властей с точки зрения экономики. Хорошим в том плане, что никаких ожидавшихся в конце 2014 года катастроф не произошло, хотя, казалось, для этого были все основания. Да, экономика упала, но всего на 2,8 %; вспомните, в кризис 2008–2009 годов от пика до дна экономика пролетела вниз 10 %. Да, инфляция снова оказалась достаточно высокой (13 %), но с одной стороны, высокой инфляцией в России никого не удивишь, а с другой, во второй половине года темпы роста цен стабилизировались на уровне 0,7–0,8 % в месяц. Да, рубль сильно ослаб, но никаких валютных кризисов образца декабря 2014-го не было, да и за год (1 января к 1 января) рубль ослаб всего на 23 %. Да, падение нефтяных цен подорвало доходную базу бюджета, но в итоге доходы федерального бюджета оказались заметно выше уровня, зафиксированного в первоначальном варианте закона о бюджете. Да, потребление населения упало более чем на 10 %, но это не вызвало массовых протестов и не противопоставило народ власти.

Но, сказав все это, я хочу сразу зафиксировать, что хороший итог года является не результатом деятельности правительства, а потому все негативные тренды, которые сформировались в российской экономике в 2016 году, будут набирать силу, и ни о каком прохождении дна или пика кризиса речи идти не может.

Экономика оказалась устойчивой

Самая большая “загадка” прошедшего года – относительно небольшое падение российской экономики. Год назад многие эксперты говорили о неизбежном 8 %–10%ном падении, строя свои оценки на падении курса рубля, падении импорта, ожиданиях падения инвестиций. Однако ничего похожего не случилось. Почему? Я вижу три причины этого.

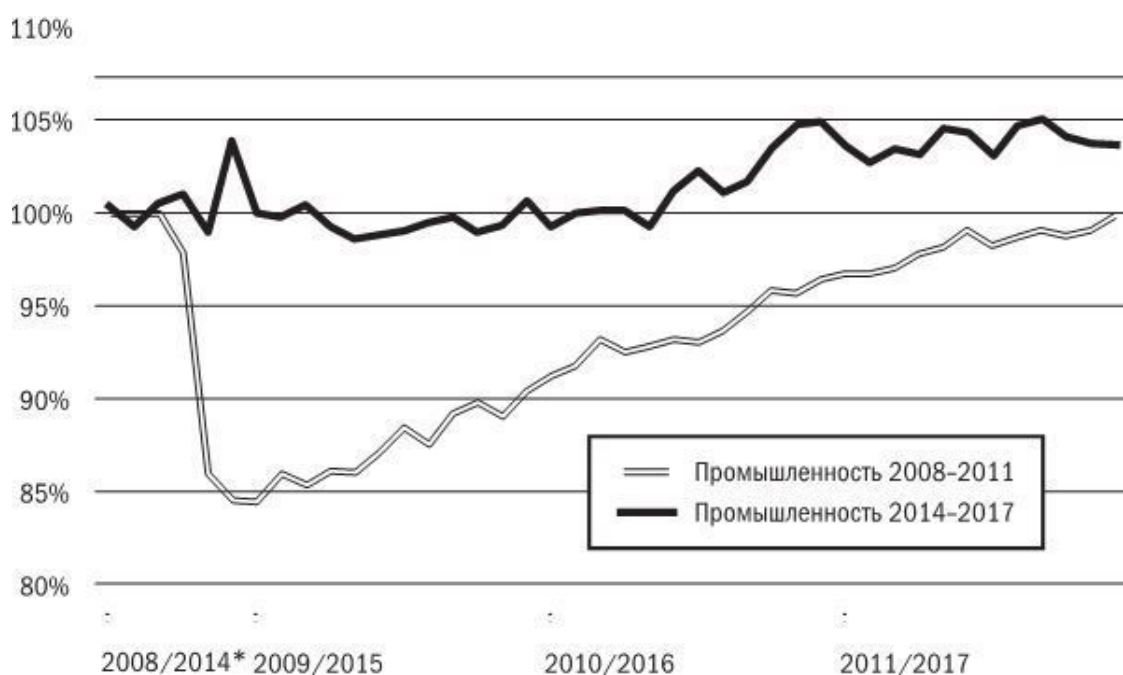

График 3.

Динамика промышленного производства в России в 2008–2012 и 2014–2017 гг. (100 % = июль 2008 г. или июль 2014 г., соответственно)

* Показатели охватывают только второе полугодие 2008 и 2014 гг.

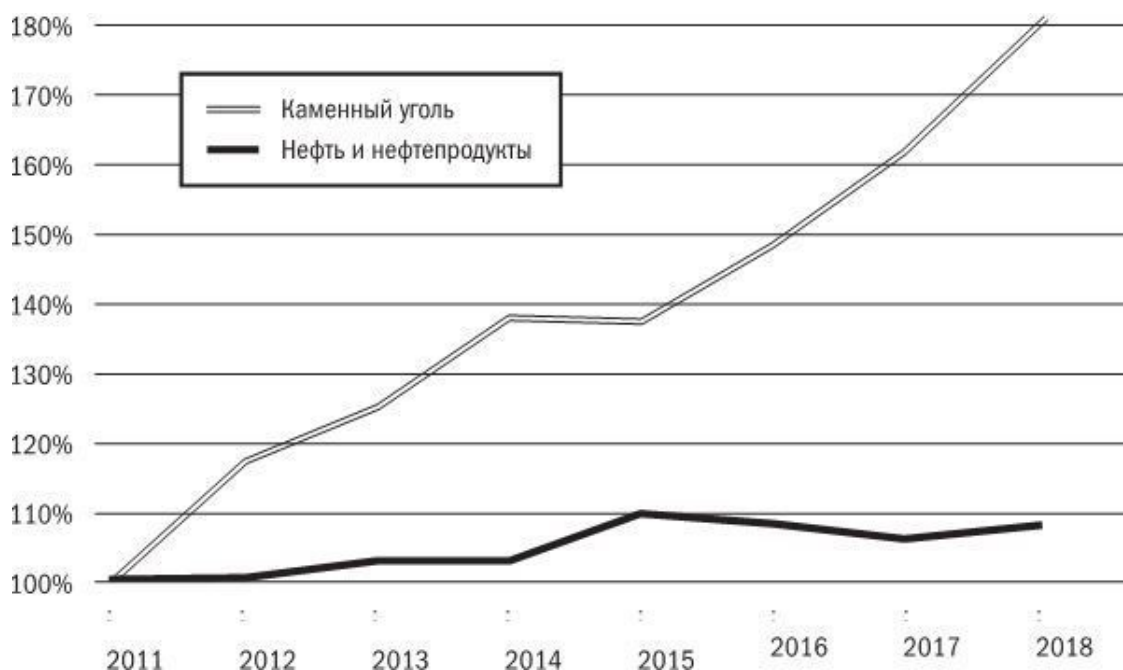

График 4.

Экспорт нефти и нефтепродуктов и угля из Российской Федерации, 2011–2018 гг. (100 % = 2011 г.)²⁰

Во-первых, российская экономика строит свое благополучие на производстве и экспорте сырья. А в отличие от 2008/09 годов в этом кризисе Россия оказалась в “гордом одиночестве”: основные потребители российского сырья (Европа, Китай, Средний Восток) пусть и неравномерно, но продолжают расти; следовательно, ни о каком снижении физического спроса на сырье на этот раз (в отличие от ситуации шестилетней давности) речи не шло. Более того, по ключевой для российского экспорта позиции – нефть и нефтепродукты – был продемонстрирован небольшой рост, благодаря этому нефтяники установили новый рекорд по добыче нефти²¹. Стабильность работы российского сырьевого сектора влечет за собой стабильность работы железнодорожного транспорта (более 70 % перевозок – сырье и продукты его переработки; падение на 30 % в конце 2008 года) и системы трубопроводов (которые по вкладу в грузооборот и в ВВП равны железнодорожному транспорту).

Поскольку система налогообложения нефтегазового сектора построена таким образом, что основная часть прироста мировых цен достается бюджету, то при снижении цен удар по финансовому положению сырьевых отраслей оказывается гораздо меньше, чем по благополучию федерального бюджета. Более того, сырьевые отрасли выиграли от ослабления рубля (обесценение издержек в валютном выражении) и от политики правительства по замораживанию зарплат в бюджетном секторе – давление работников сырьевых отраслей в пользу повышения зарплат резко упало. Все это позволило сырьевикам сохранить объемы производства и удержать необходимые объемы инвестиций.

Во-вторых, к 2015 году российское правительство развернуло во всю мощь программу финансирования оборонно-промышленного комплекса, который в 2013–2015 годах наращи-

²⁰ Эта заметка была написана по итогам 2015 г., но расходы российского бюджета на финансирование оборонно-промышленного комплекса продолжали расти и в 2016 г.

²¹ Глядя из будущего: неожиданно мощным фактором поддержки сырьевого сектора российской промышленности и объема грузовых перевозок по железной дороге стал экспорт угля, который в 2013–2017 гг. вырос почти на 30 % (см. график 1.1.).

вал объемы производства на 15–20 % ежегодно (примерно такой же рост должен сохраниться и в 2016 году, после чего объемы производства по отдельным направлениям стабилизируются, по другим – начнут сокращаться). Быстрый рост военной промышленности обеспечивал, как это хорошо видно на графике 4, стабильность объемов промышленного производства на протяжении всего года, что успокаивало политиков.

В-третьих, благодаря реформам 90-х годов российская экономика стала рыночной, т. е. ее сбалансированность достигается за счет свободы изменения цен. Надо отдать должное российским властям, которые в ответ на ускорение инфляции не только не стали замораживать цены, но и даже не стали всерьез обсуждать эту идею. В результате экономика достаточно быстро смогла приспособиться к внешнему (двукратному ослаблению рубля) и внутреннему (продуктовые контрсанкции) шокам. Правда, заплатить за это пришлось ростом инфляции: 10 %-ным снижением уровня потребления населения и 40 %-ным снижением объемов импорта.

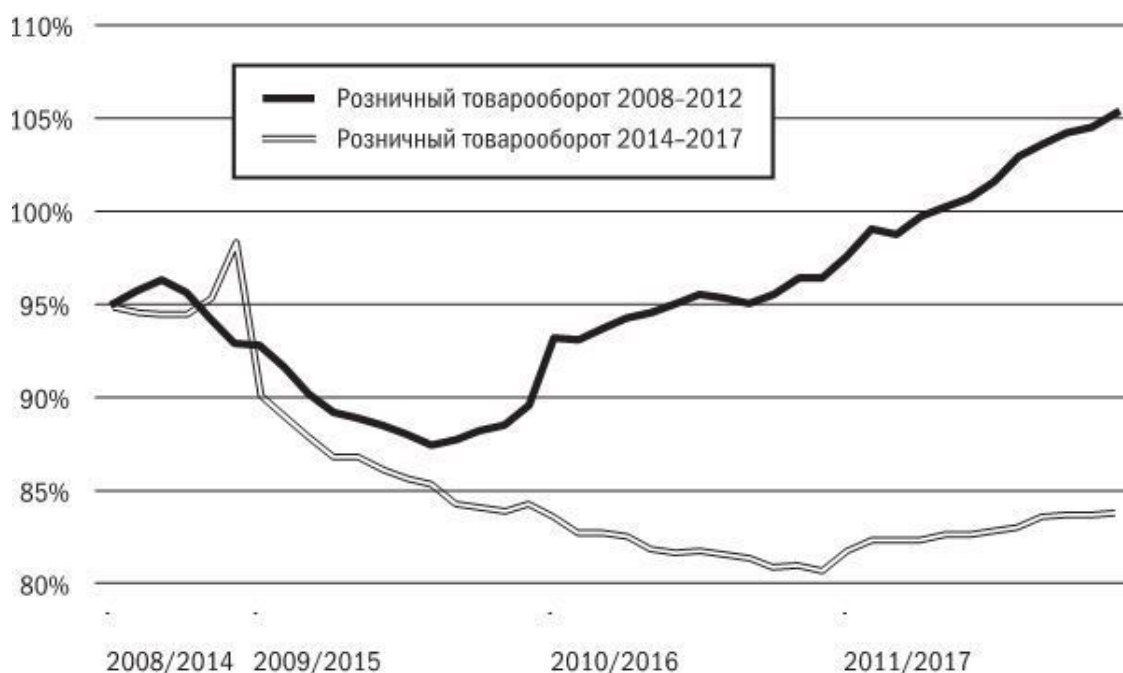

График 5.

Динамика розничного товарооборота в России в 2008–2011 и 2014–2017 гг. (100 % = июль 2008 г. или июль 2014 г., соответственно)

Устойчивость российской экономики и ее способность быстро воспринять сильные шоки в прошедшем году отнюдь не является гарантией того, что падение экономики закончилось. Снижение нефтяных цен во второй половине 2015 года неизбежно приведет к новой волне ослабления рубля, дальнейшему сокращению импорта и сохранению высокой инфляции. Хотя объемы российского импорта резко сократились, доля импорта в розничном товарообороте практически не изменилась: она сократилась с 55 % в 2013 году до 50 % в 2018-м в силу того, что импортные товары подорожали вслед за долларом в два раза.

Высокая инфляция и политика правительства по замораживанию зарплат и пенсий приведут к дальнейшему падению уровня жизни населения и снижению уровня потребления²². Поскольку доля частного потребления в российском ВВП остается выше 50 %, то компенсировать его падение российской экономике будет крайне тяжело – статистически это будет про-

²² Глядя из будущего: этот мой прогноз оказался, к сожалению, пророческим. Как видно на графике 5 падение частного потребления в России продолжалось до конца 2016 г., составив на пике падения 15,5 % от уровня середины 2014 г.

исходить за счет сокращения импорта и, соответственно, роста чистого экспорта, но растущих секторов в экономике от этого не появится.

...рубль тоже

Вторая по значимости “загадка” прошедшего года – относительная стабильность и незначительное (по итогам года) ослабление рубля – разгадывается гораздо проще.

С одной стороны, в последние три года рубль стал “нефтяной валютой”. Простого взгляда на график движения цен на нефть и курса рубля к доллару достаточно, чтобы убедиться в синхронности их движения. Статистически в 2014–2015 годах 92 % изменения курса рубля к доллару объяснялось изменением цен на нефть, что хорошо видно на графике 6²³. И если вспомнить, что в первом полугодии прошедшего года нефть медленно, но уверенно подрастала в цене и к началу лета превысила отметку \$ 65/ барр., то и стабилизация курса рубля к весне 2015 года, и его укрепление до уровня выше 50/\$, и то, что в мае-июне Банк России смог слегка нарастить свои валютные резервы, перестают быть удивительным.

С другой стороны, после прохождения пика платежей по внешнему корпоративному долгу в декабре 2014–январе 2015 годов спрос на валюту со стороны российских банков и компаний, занимавших деньги на внешних рынках, резко упал. Более того, в начале осени западные финансовые рынки приоткрылись для российских компаний: “Газпром” и “Норильский никель” смогли разместить свои новые еврооблигации, ряд компаний смогли договориться о рефинансировании долгов, а самый крупный заемщик, долги которого сильно способствовали валютному кризису в декабре 2014 года, “Роснефть” решила свои проблемы, согласившись привлечь \$ 15 миллиардный кредит от Китая, обеспеченный будущими поставками нефти.

График 6.

²³ Глядя из будущего: эта “унизительная” зависимость российского рубля от мировых цен на нефть сохранялась до начала 2018 г., после чего траектории движения этих двух показателей сильно разошлись. Причиной этого стали две волны санкций, введенные США по отношению к ряду российских компаний и физических лиц. Сначала в апреле 2018 г. под удар санкций попали В. Вексельберг и О. Дерипаска и ключевые компании последнего (РУСАЛ, ГАЗ и ЕН+), а затем в августе 2018 г. США ввели санкции в связи с применением Россией химического оружия (попытка отравления С. Скрипаля в Великобритании).

Динамика цен на нефть (URALS, \$\$/баррель) и курса доллара

Не менее важную роль в стабилизации ситуации на российском валютном рынке сыграло и изменение (в лучшую сторону) поведения Банка России, который наконец решил проявить твердость в проведении политики плавающего курса рубля и смог объяснить Кремлю, что политика поддержки рубля путем растрачивания валютных резервов является бесперспективной и будет лишь ухудшать положение в экономике.

Повышение процентных ставок по рублевым депозитам, осуществленное банковской системой в конце декабря 2014–январе 2015 годов, совпало с началом периода повышения нефтяных цен и привело к изменению сберегательного поведения населения, которое перестало покупать валюту (а с середины весны стало активно ее продавать) и стало наращивать рублевые сбережения. Правда, одновременно с этим сберегательные приоритеты населения резко сместились в сторону более коротких депозитов (до 1 года) за счет сокращения длинных, что потенциально будет толкать банковскую систему к сокращению срочности выдаваемых кредитов, но это будет потом. А пока население в 2015 году играло за стабильность рубля.

У меня нет сомнений в том, что даже дальнейшее снижение нефтяных цен не приведет к дестабилизации курса рубля: адаптивность российской экономики приведет к снижению спроса на импорт и таким образом обеспечит устойчивость платежного баланса. Потенциальная угроза для стабильности рубля может исходить либо от исполнительной власти, которая при резком ухудшении ситуации может начать вводить валютные ограничения, либо от самого Банка России, который все более активно использует свои возможности для финансирования квазибюджетных расходов. Так, в прошедшем году Центробанк:

- профинансировал более чем на 100 млрд. руб. различные кредитные программы, инициированные правительством (кредитование инвестиционных проектов, несырьевого экспорта, малого и среднего бизнеса, военной ипотеки)²⁴,

- выдал 250 млрд руб. АСВ на выплаты вкладчикам обанкротившихся банков²⁵,

- выдал чуть менее 500 млрд руб. Минфину (через АСВ, которое выдало кредиты на соответствующие суммы санаторам обанкротившихся банков, которые (банки) на эти средства купили у Минфина ОФЗ)²⁶.

Если по мере ухудшения положения дел с доходами бюджета масштаб финансирования этих и/или аналогичных программ будет наращиваться в дополнение к активному использованию средств Резервного фонда и ФНБ²⁷, то совокупное давление эмиссионной активности Банка России на курс рубля и на цены будет неизбежно возрастать²⁸.

²⁴ <http://gosman.ru/?news=42490>

²⁵ <http://www.rg.ru/2015/12/14/asv-site.html>

²⁶ <http://www.asv.org.ru/sanation/>

²⁷ Хотя бухгалтерски использование средств Резервного фонда и ФНБ Минфином реализуется через продажу валюты Банку России, с точки зрения монетарной политики, эти операции приводят к наращиванию денежного предложения Банком России без роста общего уровня валютных резервов, что в условиях низкого спроса на деньги, естественного для экономики, находящейся в рецессии, должно оказывать понижающее давление на курс национальной валюты. В 2015 году такого эффекта удалось избежать за счет сокращения на 4 трлн руб. (более чем вдвое) рублевой задолженности банковской системы перед Банком России. Однако резервы такой политики уже исчерпаны практически полностью.

²⁸ глядя из будущего: этот мой прогноз оправдался наполовину. Банк России действительно продолжил интенсивно финансировать программы по санации банков (традиционно во всех странах такие программы если реализуются, то финансируются из бюджета, поэтому я их называю квазифискальными); к середине 2018 г. на эти цели было за счет эмиссии потрачено около 4 трлн руб. Но надо отдать должное Банку России, который компенсировал эту эмиссионную активность путем интенсивного использования инструментов стерилизации ликвидности в банковской системе. С точки зрения борьбы с инфляционным давлением это было хорошим решением, но реализовать его удалось только за счет удержания Банком России сверхвысокого уровня процентных ставок, которые делали для банков депозиты в Центральном банке более привлекательными, чем кредитование экономики, что, очевидно, сдерживало и без того низкие темпы экономического роста в 2015–2018 гг.

Бюджетный кризис ломает основы

Безумно высокая зависимость федерального бюджета от нефтяной конъюнктуры – более половины его доходов в 2013–2014 годах формировалась за счет нефтегазовых доходов – разрушила многие минфиновские догмы. Во-первых, Минфин окончательно признал, что планирование трехлетнего бюджета больше не является возможным.

Во-вторых, Минфин сам предложил отказаться от “бюджетного правила”, которое хорошо работало при росте нефтяных цен, ограничивая расходы бюджета, но оказалось абсолютно неприспособленным к периоду падения цен и не смогло гарантировать стабильность и предсказуемость уровня бюджетных расходов.

В-третьих, дефицит федерального бюджета стал нормой, а его официальный уровень упирается в предельную 3 %-ную планку, которая определена властями как безопасный уровень. На самом же деле, с учетом квазифискальных расходов, финансируемых из средств ФНБ, за счет национализации пенсионных накоплений, а также ВЭБом и Центральным банком, уровень дефицита заметно превышает официальные оценки.

В-четвертых, правительство отказалось от политики поддержания уровня жизни бюджетников и пенсионеров, которая реализовывалась через индексацию выплат по темпам текущей инфляции. В 2015 году первоначально планировалась 5 %-ная индексация зарплат бюджетников с октября при инфляции за предыдущий год в 11,4 %, но при пересмотре бюджета весной 2015 года она была отменена. Полная (по темпам инфляции) индексация пенсий стала возможной только после 10 %-ного секвестра расходов бюджета, осуществленной при его пересмотре в начале весны. В 2016 году, при инфляции за предыдущий год на уровне 12,9 %, правительство решило не проводить индексацию зарплат бюджетников в принципе, а индексация пенсий составила всего 4 %. В результате при 25 %-ной инфляции за два года пенсии в реальном выражении сократились на 8 %, а зарплаты бюджетников – на 20 %.

В-пятых, уже два года подряд Минфин проводит “сквозной” секвестр бюджетных расходов, т. е. сокращает бюджетные расходы не путем отказа от отдельных позиций, а путем равномерного их сокращения для всех (кроме Минобороны) бюджетополучателей. Такая политика ведет к постепенной деградации бюджетной сферы, накоплению задолженности и снижению качества бюджетных услуг. В конце 2015–начале 2016 года из многих регионов России стала приходить информация о том, что бюджетам не хватает средств на выплаты даже зарплат и социальных пособий бюджетникам.

И, наконец, при финансировании государственных расходов Минфин все больше и больше становится зависимым от эмиссионных денег Банка России: использование Резервного фонда и Фонда национального благосостояния, покупка ОФЗ при реализации программ санации банков-банкротов, спасение ВЭБа за счет почти полного отказа Центрального банка от получения процентов от размещения средств в этом банке.

Наступивший год, похоже, станет для бюджета крайне тяжелым. Заложенные в основу бюджетной конструкции параметры внешней среды (\$ 50/барр. и RUB60,5/\$) сегодня звучат крайне оптимистично с точки зрения доходов. Получаемая от перемножения этих двух величин рублевая цена экспортной нефти (RUB3050/барр.) пока на 20 % превышает ту, что реально получают российские нефтяники. Причина этого проста и понятна: падение курса рубля оказалось настолько сильным, что спрос на импортные товары и услуги резко сократился, а замораживание номинальных доходов населения делает перспективы восстановления частного спроса весьма сомнительными. В результате, весьма скоро Минфин отrapортует о том, что поступление бюджетных доходов сильно отстает от плана, и предложит два варианта решения этой проблемы: либо еще одно сокращение номинальных расходов и отказ от дополнительной индексации пенсий, что позволит использовать 340 млрд руб. конфискован-

ных пенсионных накоплений, предварительно предназначенных для повышения пенсий во второй половине года, либо увеличение дефицита и использование дополнительных средств из Резервного фонда.

Выбор, что называется, между плохим и очень плохим. Первый вариант еще больше снижает уровень жизни россиян и сокращает частный спрос. Второй – снимает “табу” на увеличение дефицита сверх “безопасного уровня” и грозит оставить бюджет без каких-либо резервов уже в 2017 году, что поставит под угрозу исполнение бюджета-2018.

Инфляция успокоилась, но не замедлилась

После резкого ценового скачка в конце 2014–начале 2015 года, вызванного двумя волнами девальвации рубля и введенным российскими властями запретом на импорт продовольствия из стран, которые ввели санкции в отношении России, с середины 2015 года инфляционная ситуация в экономике стала постепенно терять свое напряжение. Банк России на этом фоне начал поэтапное снижение своей ключевой ставки и стал уверенно говорить о том, что его цель – 4 %-ная инфляция в 2017 году – является реалистичной.

Однако уже к осени прошлого года стало заметно, что снижение инфляции остановилось, Банк России прекратил снижать процентную ставку и все больше стал говорить об угрозе инфляционного давления в экономике. По оценкам экспертов Банка России, трендовая инфляция росла вплоть до августа месяца, когда она стабилизировалась на отметке 11,9 %, а инфляционные ожидания населения к концу года снова начали нарастать.

Пока Банк России продолжает утверждать, что снижение инфляции продолжится, хотя и более медленными темпами. В пользу этой гипотезы будут работать эффект базы (высокая инфляция начала прошлого года) и продолжающееся сжатие экономики и сокращение частного спроса. Однако, не оспаривая работоспособности этих факторов, готов предположить, что если давление бюджета на денежную политику Банка России будет продолжать нарастать, то уже в этом году российская экономика столкнется с ростом инфляционного давления, вызванного монетарными факторами²⁹.

Санкции не работают, но...

Хотя российские политики продолжают говорить о том, что западные санкции являются одной из причин ухудшения ситуации в экономике России, их давление в течение закончившегося года последовательно снижалось. Конечно, это происходило не за счет отмены санкций, а за счет объективных факторов.

С одной стороны, заметно сократились суммы подлежащие выплате российскими банками и компаниями по внешним долгам – в 3–4 кварталах 2015 года им нужно было платить вдвое меньшие суммы, чем в последнем квартале 2014-го. С другой – падение мировых цен на нефть сделало “беззубыми” секторальные санкции в отношении российских нефтяных компаний – при сегодняшних ценах на нефть разработка месторождений на арктическом шельфе (которые попали под санкции) является абсолютно бессмысленной.

Вместе с тем, хотя текущее влияние санкций на российскую экономику очевидно снизилось, несомненно по мере продолжения действия санкций стало возрастать их стратегическое давление, которое ведет ко все большей изоляции экономики России от глобальных экономических процессов. Это происходит как в силу того, что западные компании, высоко оценивая

²⁹ Глядя из будущего: этот мой прогноз оказался ошибочным, чему, честно говоря, я рад. Давление эмиссионной активности за счет наращивания Банком России квазифискальных расходов продолжалось, но в то время, когда я писал эту заметку, я недооценил той жесткости, с которой Банк России решил изымать ликвидность из банковской системы. Этот процесс, как и последовавшее быстрое снижение инфляции, стал очевидным лишь во второй половине 2016 г.

политические риски ведения бизнеса в России, воздерживаются от инвестиций в новые проекты, так и в силу того, что российские власти подняли флаг импортозамещения и все чаще вводят запреты на использование импортных товаров и оборудования, комплектующих, услуг российскими компаниями.

Понятно, что изоляция и самоизоляция российской экономики не приведут к значимым сиюминутным статистическим эффектам, но с каждым кварталом отставание экономики России от стран-конкурентов будет только нарастать, а ее конкурентоспособность и привлекательность будут падать.

Есть ли у власти альтернативы?

После валютного кризиса конца 2014 года российские власти морально были подготовлены к самым страшным сценариям: падению экономики на 8–10 % в течение года, дальнейшему падению курса рубля и росту инфляции, резкому падению доходов бюджета и угрозе нарастания его дефицита, коллапсу банковской системы.

Стремясь противодействовать потенциальным негативным событиям, правительство “достало арсенал” антикризисных мер образца кризиса 2008 года – капитализация банков и госкорпораций с использованием ОФЗ, программы субсидирования процентных ставок при получении автокредитов и ипотеки... – и реализовало эти программы без изменения федерального бюджета. Капитализация банков и госкорпораций на 1 трлн руб. была осуществлена в рамках бюджета-2014, остальные программы – в рамках корректировки бюджета-2015, когда все невоенные расходы были сокращены на 10 %.

Я не склонен считать, что правительственные меры сыграли сколь-нибудь значимую роль в экономических процессах. Так, капитализация банков была обставлена таким количеством бюрократических препон, что основные средства в рамках этой программы банки получили лишь во второй половине года. Субсидирование процентных ставок по кредитам населению пользовалось спросом, но это не смогло остановить 40 %-ного падения продаж новых легковых автомобилей и 35 %-ного падения количества выданных ипотечных кредитов.

Но после того как к лету 2015 года катастрофические ожидания правительства и экспертов в отношении динамики российской экономики не оправдались, единственным антикризисным инструментом, который использовали власти, стали словесные интервенции, сводившиеся к двум тезисам: 1) могло быть гораздо хуже, 2) самое страшное уже позади. Эффективность такой политики была явно отрицательной: по данным ФОМ с мая месяца – момента наибольшего оптимизма в оценке экономической ситуации – с 28 % до 41 % выросло число россиян, которые считают, что положение дел в экономике ухудшается, а число оптимистов сократилось в два раза (с 23 % до 12 %).

С моей точки зрения, у экономического блока правительства нет и не может быть хороших предложений: тех, что могут привести к формированию устойчивого положительного тренда роста экономики страны. Базовая слабость экономики России – отсутствие действенной системы защиты прав собственности, что ведет к снижению инвестиционной активности и торможению роста – не может быть решена силами Минфина, Минэкономики и Банка России. Преодолеть эту проблему можно, только встав на путь серьезных политических реформ, которые будут ориентированы на верховенство права, на равенство всех перед законом, на политическую конкуренцию, независимый и справедливый суд, свободные СМИ.

Действующие руководители страны не могут решиться на это, поскольку понимают, что весьма скоро после этого они потеряют власть. Поэтому предположения о том, что при серьезном ухудшении ситуации в экономике страны они могут пойти на изменение всей экономической системы, отнюдь не лишены оснований.

Первым “звоночком”, который указал на это, стал вопрос президента Путина, адресованный председателю Банка России в декабре 2014 года: не стоит ли пойти по пути введения валютных ограничений? Хотя был дан отрицательный ответ³⁰, а последующие события показали, что оценка ситуации и эффективности принятых решений со стороны Банка России была абсолютно правильной, сам заданный вопрос свидетельствует о том, что мысль об альтернативных подходах к экономической политике существует в голове российского президента.

Бесмысленно гадать, что должно случиться в экономике, чтобы решительный поворот, компонентами которого, среди прочего, станут контроль за ценами и курсом рубля, валютные ограничения, прямое кредитование Банком России корпоративного сектора, был совершен; но можно смело предположить, что, будь это сделано, нарастание экономических сложностей в России будет напоминать снежную лавину. Однако, подчеркну, на сегодня мне тяжесть экономической ситуации представляется недостаточной, чтобы подтолкнуть власти к немедленному принятию такого решения.

Поэтому наиболее вероятный сценарий 2016 года – медленное соскальзывание вниз, перемежающееся с вялой стагнацией.

³⁰ <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-03-25/with-hotline-to-kremlin-nabiullina-turns-from-ruble-to-economy>

Головокружение от успехов 2016

Любой уважающий себя российский чиновник, начиная от президента и дальше по списку, считает своим долгом доложить о фантастических успехах российской экономики в деле импортозамещения. При этом мало кто из них в поддержку своей позиции приводит статистические данные, больше напирают на эмоции.

На их несчастье, Росстат начал публиковать на своем сайте набор материалов под названием “Показатели, характеризующие импортозамещение в России”. Данных, сразу скажу, публикуется немного, и все они сведены в две группы: сельское хозяйство и торговля. И отсюда можно сделать первый вывод: в других секторах, по всей видимости, продемонстрировать совсем нечего. Что, впрочем, не удивительно: попробуйте за два года, которые Россия находится под санкциями, запустить какое-нибудь производство электронных компонентов?! Вот и приходится чиновникам “гордиться” успехами сельского хозяйства и пищевой промышленности. Только вот есть ли чем гордиться?

Начнем с самых общих показателей – объема сельскохозяйственного производства (график 7).

Быстрого взгляда достаточно для того, чтобы сказать: да, в российском сельском хозяйстве наблюдается устойчивый рост, но наблюдается он с 1999 года (то есть начался задолго до того, как на повестку дня было выдвинуто импортозамещение) с двумя исключениями (2010 и 2012 гг.), связанными с сильными неурожаями. Среднегодовой темп роста сельского хозяйства на этом временном отрезке (1999–2015) составляет 3,28 %³¹, и, таким образом, 2015 год с его тремя процентами роста точно не является выдающимся.

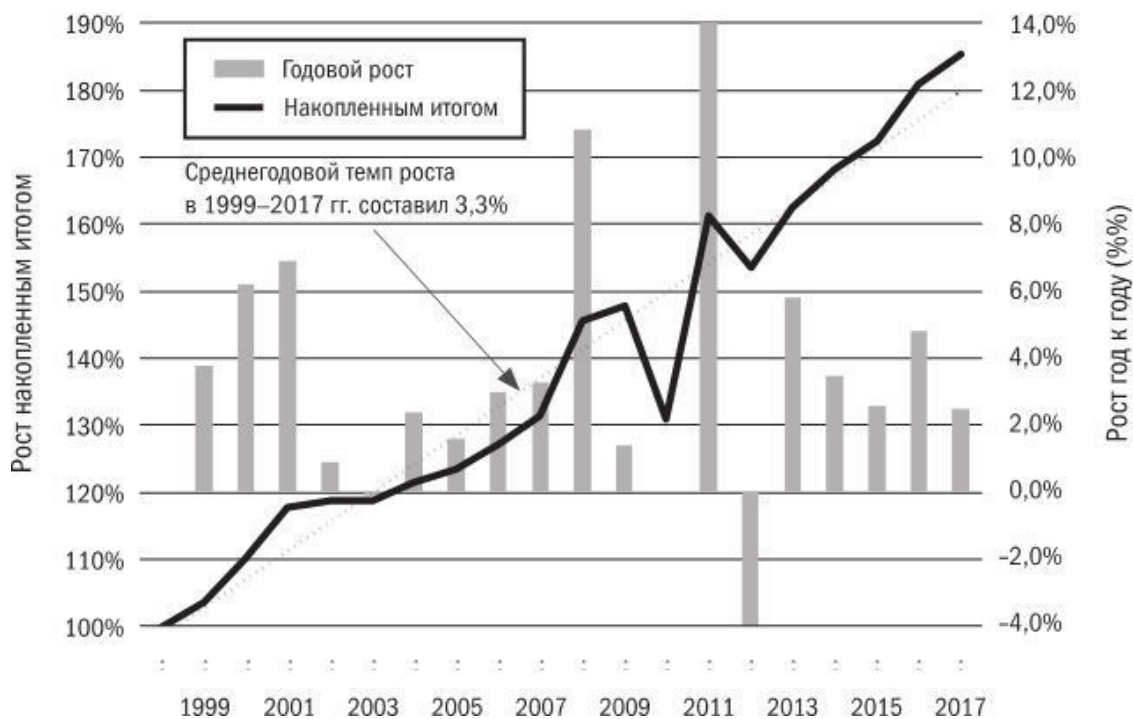

График 7.

³¹ За следующие два года среднегодовые темпы роста российского сельского хозяйства слегка подросли – до 3,29 %.

Объем производства продукции сельского хозяйства в России, 1999–2017 гг. (100 % = 1998 г.)³²

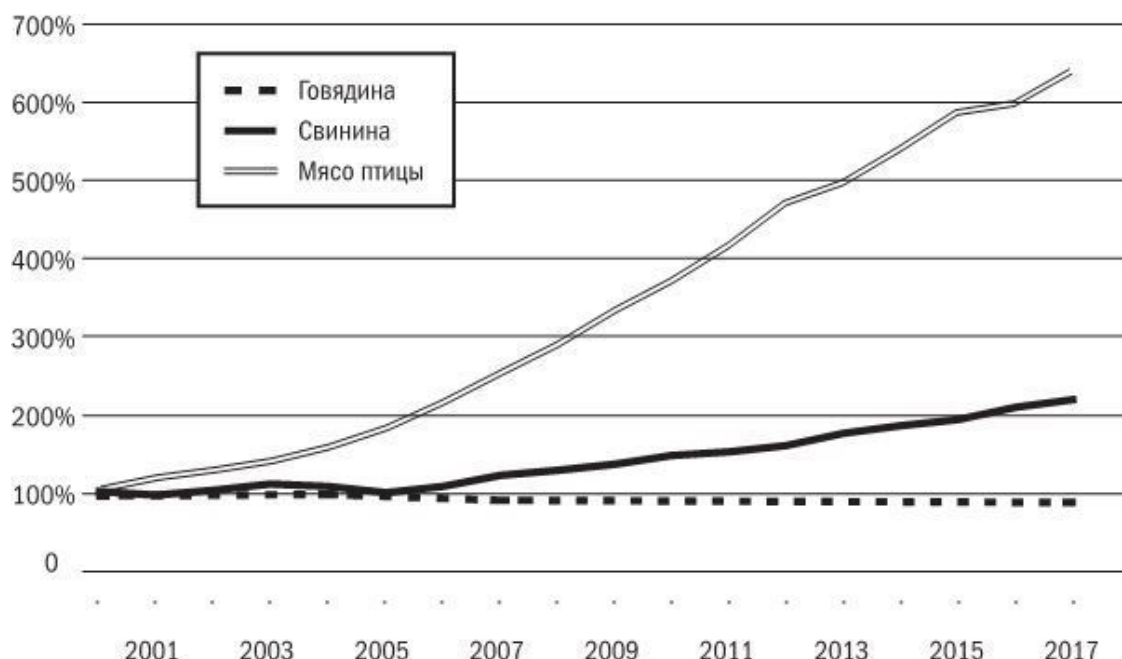

График 8.

Объем производства мясной продукции в России, 2000–2017 гг. (100 % = 2000 г.)

Если пойти вглубь и начать рассматривать отдельные продукты, то, конечно, первое, что бросается в глаза, это стремительный рост производства свинины и мяса птицы. Но опять-таки, начался он в 2000 и 1999 годах, соответственно. И нельзя сказать, чтобы в 2015 году произошло заметное ускорение (график 8).

На фоне несомненных успехов этих двух секторов успехи в производстве говядины, как бы это помягче сказать, не совсем очевидны. Вернее, совсем не очевидны. Нерасторопность правительства с принятием решений о поддержке этого сектора после страшной засухи 2010 года привела к резкому сокращению поголовья скота и, как следствие, производству мяса, которое не восстановилось до настоящего времени. Можно, конечно, ткнуть начальственным пальчиком и сказать: «А, вот видите, в 2014-м был рост!» – что будет правдой, но понять, насколько устойчивым он будет и продержится хотя бы пять лет, пока невозможно. Да и рост был совсем несильный, еле-еле до уровня 2013 года дотянули³³.

³² За следующие два года среднегодовые темпы роста российского сельского хозяйства слегка подросли – до 3,29 %.

³³ Глядя из будущего. Рост производства говядины в 2014 г. действительно оказался разовым всплеском, в 2015–2017 гг. наступил новый спад в этом секторе.

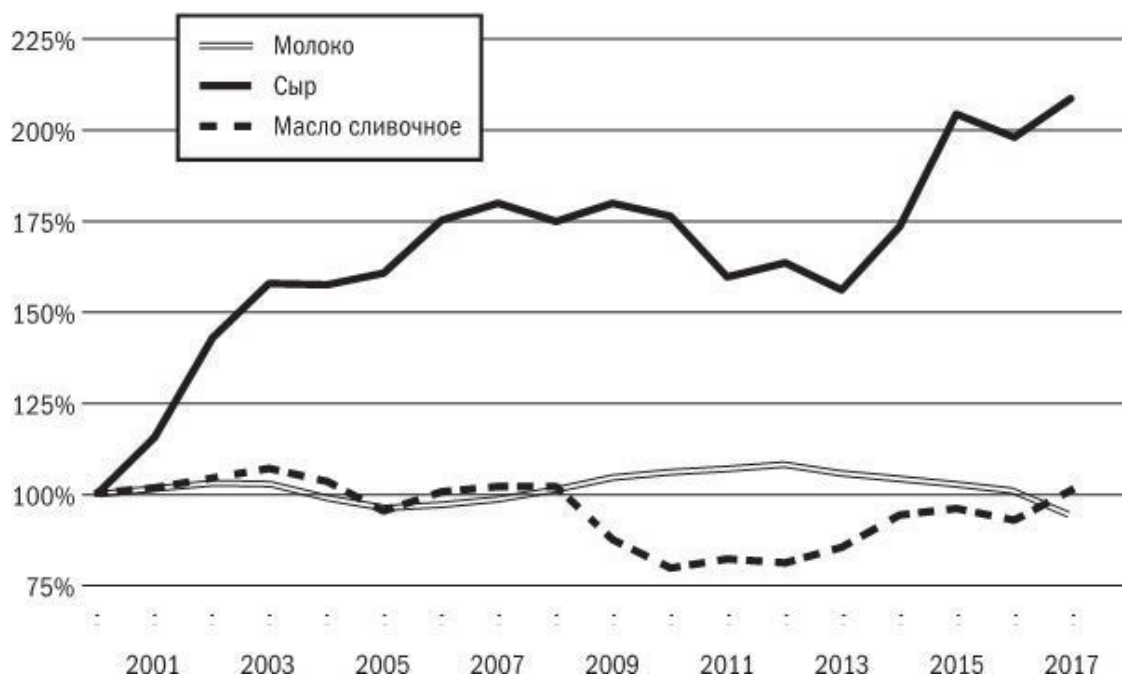

График 9.

Объем производства молока, сливочного масла и сыров России, 2000–2017 гг. (100 % = 2000 г.)

Нет ничего удивительного и в том, что производство молока и сливочного масла в России практически не растет (график 9) – тот же самый сегмент, что и производство мяса говядины, длинный производственный цикл, неблагоприятные климатические условия: одним словом, успехов не видать, а в 2015-м вообще была стагнация.

На первый взгляд, стоит удивиться тому, что не растет, а вернее, устойчиво снижается с 2013 года производство колбасных изделий. Казалось бы, это уже пищевая промышленность, на климат кивать не приходится, но... есть и другие напасти. А именно, сначала стагнация, а потом и снижение реальных доходов населения, которое начинает всерьез экономить. Вот и попала колбаса “под нож” секвестра семейных бюджетов.

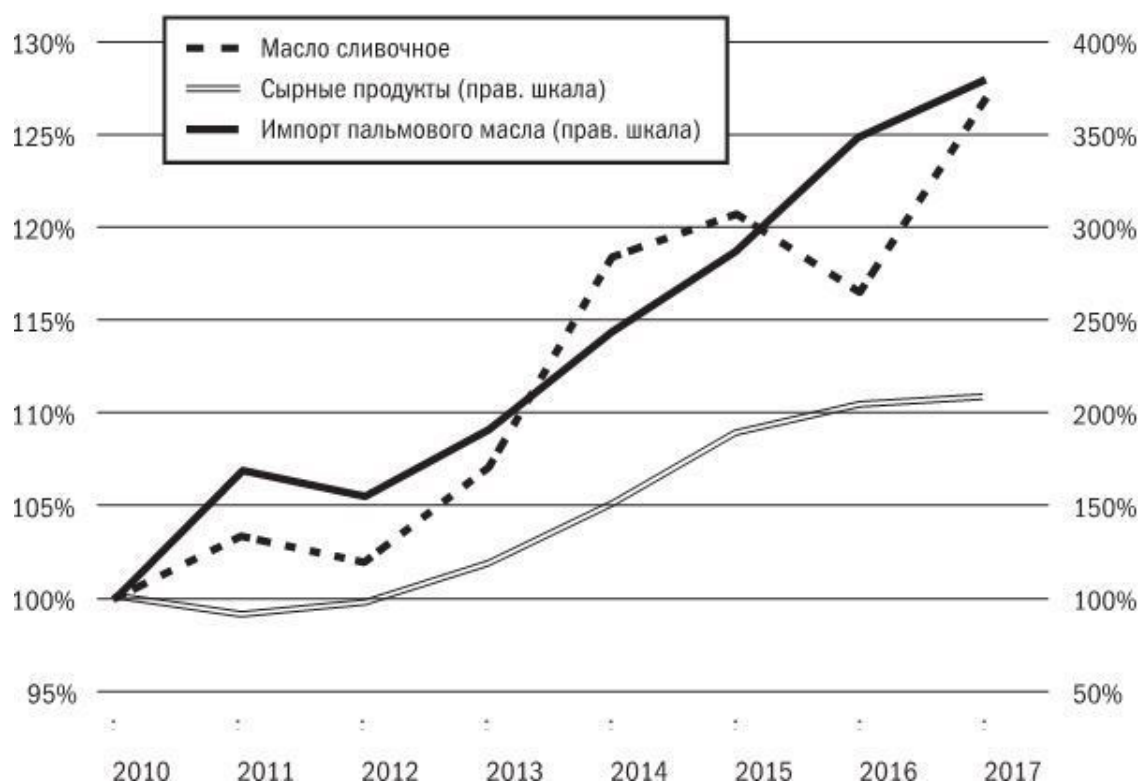

График 10.

Производство сливочного масла и сырных продуктов и импорт пальмового масла в Россию, 2010–2017 гг. (100 % = 2010 г.)

Самыми яркими и очевидными успехами политики контрсанкций и импортозамещения стал резкий скачок в производстве сливочного масла и сырных продуктов (график 10). И скачок этот совершенно четко датируется 2014 годом, и, следовательно, можно уверенно говорить о наличии причинно-следственных связей. Проблема только одна – вместо сыра российское население получило “сырный продукт”, созданный отечественными умельцами на основе пальмового масла. Для сливочного масла и творога таких терминов не нашлось, но многочисленные публикации в центральных и региональных СМИ говорят о том, что на классическое сливочное масло и творог производимые в рамках импортозамещения продукты мало похожи³⁴.

³⁴ Глядя из будущего. Количество нареканий в отношении качества суррогатных продуктов нарастало с каждым месяцем, и весной 2018 г. правительство поручило трем ведомствам – Россельхознадзору, Роспотребнадзору и Роскачество – провести комплексную проверку рынка молочной продукции. Результаты огорошили всех: 60 % проверенного творога и творожных изделий, 36 % сливочного масла и 20 % молока не соответствовали стандартам качества. В 14 % проверенного сливочного масла и в 12 % молока было обнаружено наличие растительных жиров (пальмового масла), что категорически запрещено техническими регламентами.

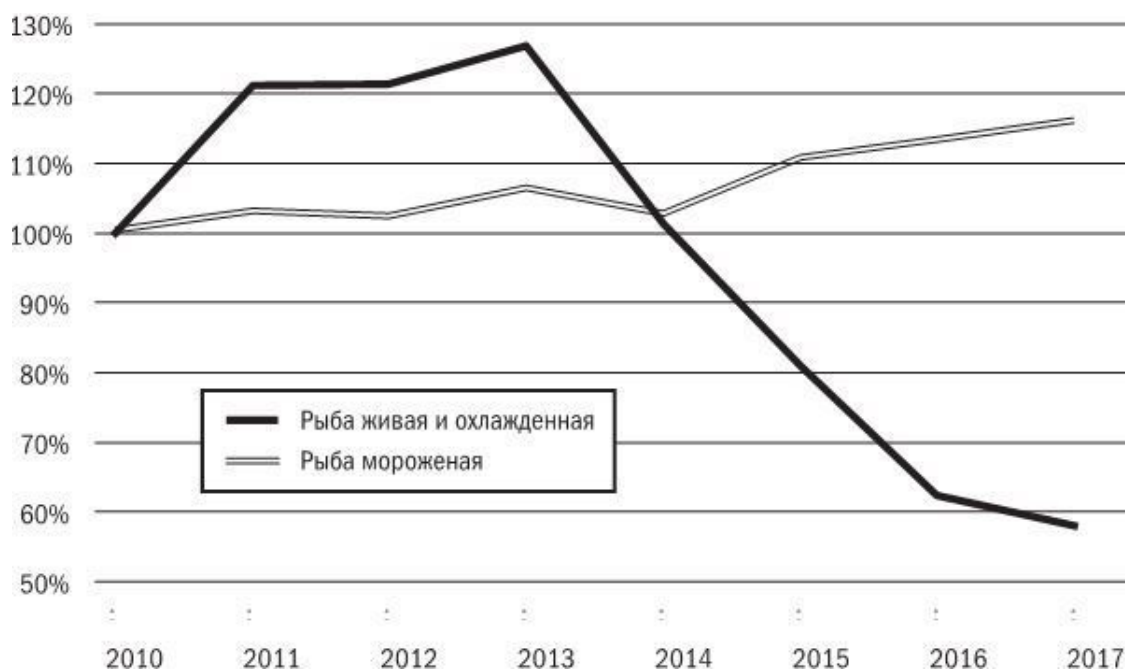

График 11.

Производство рыбы в России, 2010–2017 гг. (100 % = 2010 г.)

Самым “ярким примером” импортозамещения по-русски является ситуация с производством живой и охлажденной рыбы (график 11). В 2011–2013 годах этот сегмент достаточно уверенно рос и, казалось, готовился повторить успехи свиноводства и птицеводства, но тут случилось введение российских контрсанкций, под которые попали мальки рыбы, неожиданно оказавшиеся результатом высокотехнологичного производства, которое родственники друзей российского президента и подмосковного губернатора³⁵ просто не смогли наладить, и... отрасль стремительно покатила вниз. На этом фоне производство мороженой рыбы продолжает расти.

Как выглядят успехи российской экономики в импортозамещении санкционных овощей и фруктов, Росстат решил просто не рассказывать, а Минэкономразвития в своем обзоре нейтрально сообщило, что “основными факторами, замедляющими процессы импортозамещения овощных культур, являются низкий уровень товарности овощной продукции (порядка 37 %), высокая доля производства в хозяйствах населения (67,2 %), а также недостаточное количество тепличных комплексов для обеспечения потребности населения овощами закрытого грунта во внесезонный период”. Почему российские бизнесмены не строят теплицы, эксперты министерства решили не говорить.

Подводя итоги, можно еще раз сказать, что российское сельское хозяйство остается едва ли не самым стабильно растущим сектором российской экономики, но контрсанкции и политика импортозамещения пока не привели к статистически значимым результатам, которые могли бы свидетельствовать об их успешности.

³⁵ Речь шла о компании “Русское море” (позднее – “Русская аквакультура”), основными акционерами которой в то время были друг президента Путина Г. Тимченко и брат подмосковного губернатора А. Воробьева, которая заняла монопольные позиции в производстве мальков рыбы в России.

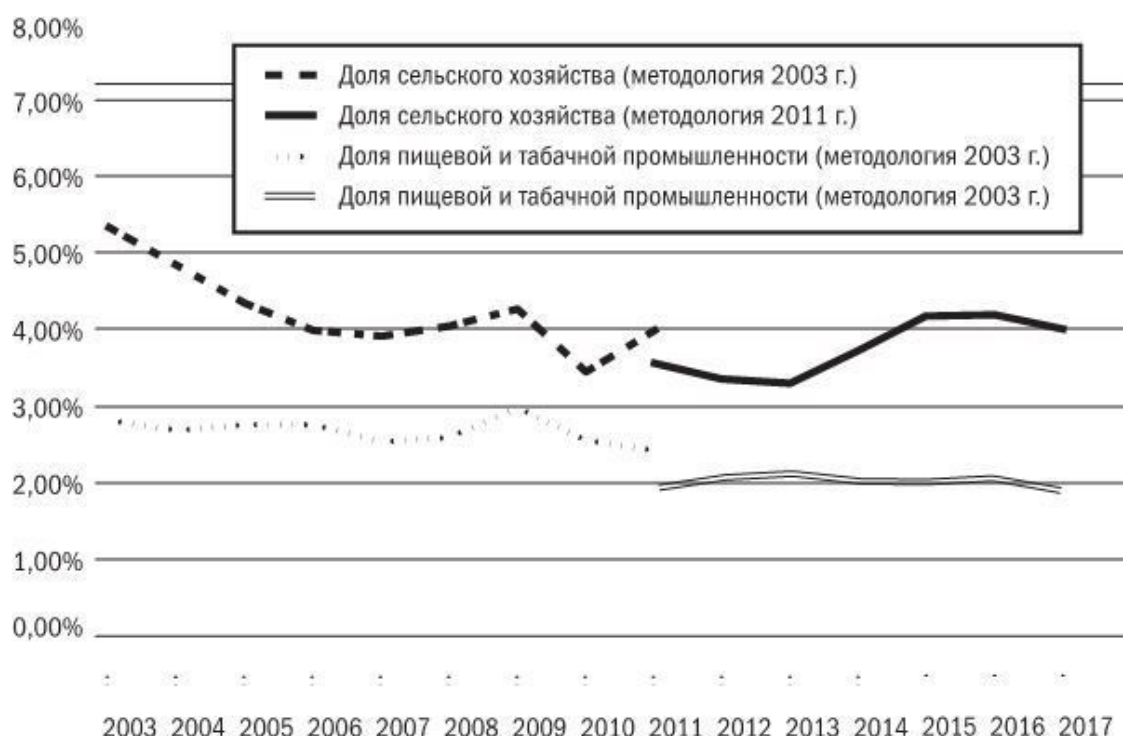

График 12.

Доля сельского хозяйства и пищевой промышленности в экономике России (% от валовой добавленной стоимости ³⁶), 2003–2017 гг.

И последнее. Специально для кремлевских фантастов, которые считают, что именно рост в сельском хозяйстве станет тем самым мотором, который потянет вверх всю российскую экономику. В 2002 году, когда цены на нефть еще не начали свой фантастический рост, когда об ипотеке говорили лишь как о несбыточной мечте, доля сельского хозяйства в российском ВВП составляла 5,3 %. По итогам 2015 года она составила чуть больше 3,9 % (график 1.10.). Если сельское хозяйство будет в ближайшие двадцать лет расти с той же самой средней скоростью, как оно росло начиная с 1999 года, а вся остальная экономика будет расти со скоростью 1 % в год, то к концу этого периода доля сельского хозяйства в ВВП вырастет до... тех самых 5,3 %, которые были 14 лет назад. Если же предположить, что в следующие двадцать лет российское сельское хозяйство будет расти в полтора раза быстрее (5 % в год), а вся остальная экономика будет ежегодно расти на те же самые 1 %, то средние темпы роста экономики повысятся с 1,1 % до 1,2 %, а доля сельского хозяйства вырастет к концу периода до 7,3 %.

Слабоват мотор получается. Я бы на него не надеялся...

³⁶ Валовая добавленная стоимость (ВДС) является основной частью валового внутреннего продукта (ВВП) и отличается от него на величину чистых налогов, отражая исключительно результаты работы экономики без учета внешних факторов (главным образом цены на нефть) и налоговой политики.

Поколение с подрезанными крыльями 2017

До начала XIX века сравнивать страны по объему ВВП было достаточно просто. У всех государств была примерно одинаковая структура экономики, минимальное использование оборудования и, следовательно, примерно одинаковая производительность труда. В результате, чем больше было население страны, тем больше была ее экономика.

С началом промышленной революции ситуация начала быстро меняться. Способность стран создавать и внедрять более современное оборудование привела к тому, что количество рабочей силы перестало быть самым главным фактором роста экономики. Но это не значит, что от демографии в экономике теперь ничего не зависит. Посмотрите, как демографические процессы будут влиять на экономику России в ближайшие десятилетия.

Путинские “минус 1,5 %”

Есть замечательный доклад “Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения”, подготовленный по заказу ЦСР экспертами Высшей школы экономики, которых я считаю одними из наиболее (если не самыми) квалифицированных в области изучения проблем российского рынка труда. Доклад длинный, более 180 страниц, насыщенный цифрами и аналитикой.

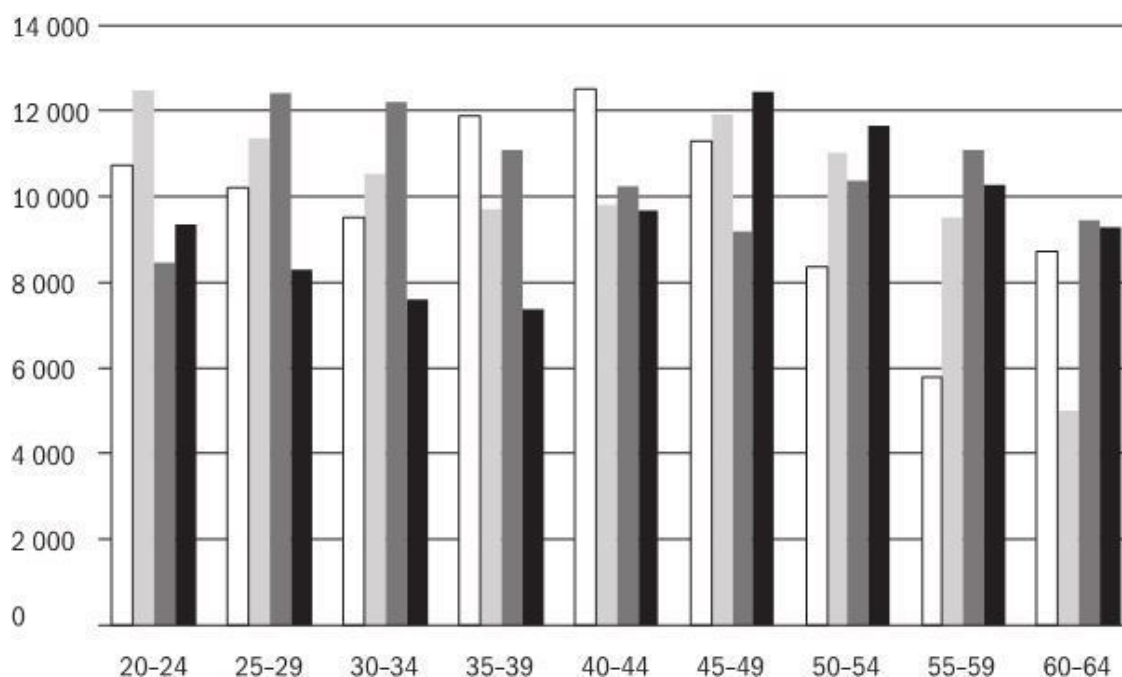

График 13.

Распределение трудоспособного населения России по возрастным группам, 2000–2030 гг. (тыс. человек).
источник: Росстат.

□ 2000
■ 2008
■ 2016
■ 2030

Та часть доклада, на которую нужно обратить специальное внимание, касается ближайших 15 лет, в течение которых в российской экономике произойдут серьезнейшие изменения количества и качества рабочей силы. Авторы доклада говорят о предстоящем сокращении в это время работоспособного населения на 6,6 млн человек при сегодняшнем показателе в 76,6 млн человек, то есть более чем на 8,5 %. И этого избежать невозможно, так как те люди, которые войдут в это время в трудоспособный возраст, уже родились, и их не станет больше.

Законы экономики (как и законы физики) едины для всех: и для Путина, и для Трампа, и для России, и для Уганды. Можно на них не обращать внимания, можно пытаться делать вид, что на территории одной восьмой части земной суши работают иные, суверенные, законы, но это не так.

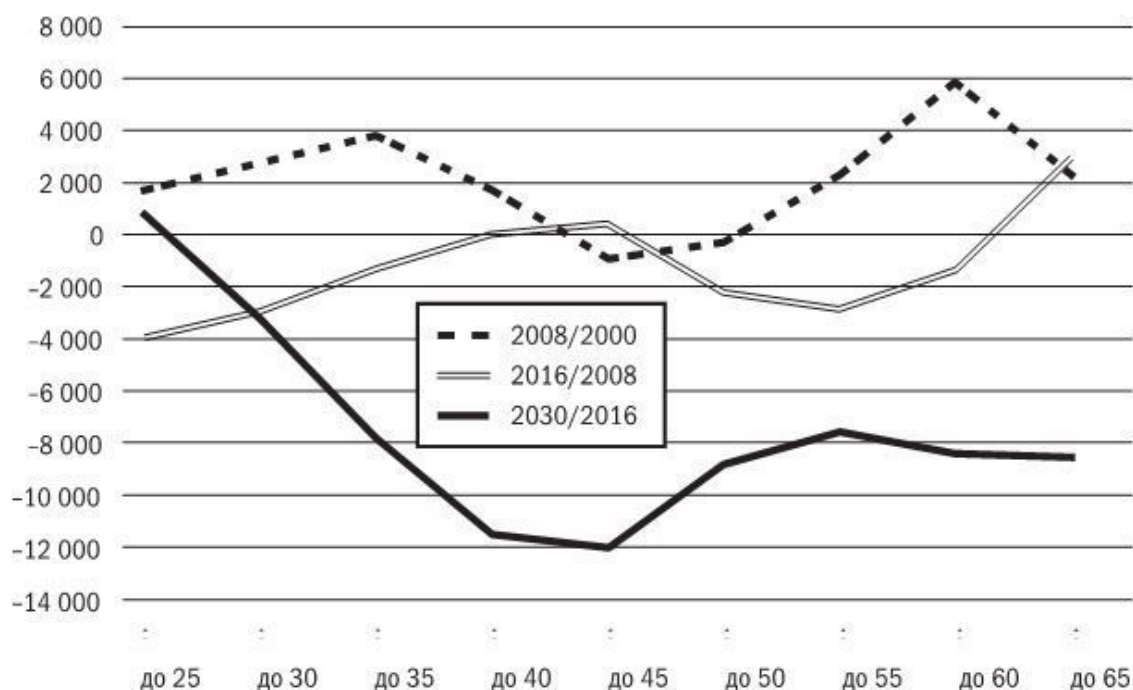

График 14.

Изменение численности трудоспособного населения России по возрастным группам, 2000–2030 гг. (тыс. человек).

Источник: Росстат.

Примечание. В отличие от Росстата, который относит к трудоспособному населению граждан России в возрасте от 15 до 72 лет, для данного графика я брал численность россиян в возрасте от 20 до 70 лет. Данный график нужно читать следующим образом: сплошная линия показывает, насколько численность трудоспособного населения России на начало 2030 г. будет отличаться от численности на начало 2016 г., при этом если численность населения в возрасте от 20 до 25 лет на начало 2030 г. будет несколько больше (линия находится выше нулевой отметки), то численность населения в возрасте от 20 до 45 лет снизится больше, чем на 12 миллионов человек, но за счет большего числа граждан России старших возрастов итоговая численность трудоспособного населения (от 20 до 65 лет) к началу 2030 г. будет на 8,6 млн человек меньше, чем на начало 2016 г.

Один из таких законов говорит, что рост экономики напрямую зависит от динамики рабочей силы (а еще от накопления капитала, инвестиций и производительности труда): если она растет, то даже при неизменной производительности труда экономика будет расти.

Минус 8,5 % за 15 лет означает, что ежегодно численность рабочей силы должна сокращаться на 0,6 %, и, значит, при прочих равных условиях это будет вести к замедлению роста экономики на ту же величину.

Для сравнения стоит сказать, что за период 2000–2008 годов, когда российская экономика росла со средней скоростью 7 % в год, численность занятых в экономике (опять-таки в силу демографических факторов) выросла на 6 млн человек или на 9 %, т. е. на 1 % ежегодно, что давало экономике дополнительные 1 % роста.

Таким образом, фактор демографии существенно меняет экономическую динамику в России. Разница между этими периодами роста и снижения работоспособного населения означает потерю около 1,5 % годового роста. Это примерно та величина, о которой сегодня правительство России может только мечтать. В прошлом году ВВП упал на 0,2 %.

Некачественные изменения

Российскому рынку труда придется столкнуться и с качественными изменениями. Если в 2000–2015 годах на возрастные категории 26–35 лет приходился значительный прирост рабочей силы, и категория 26–30 лет стала самой многочисленной, то в следующие 15 лет количество людей в возрастных группах 21–35 лет будет быстро уменьшаться. Единственной группой, количество работников в которой будет расти, – категория 40–50 лет.

Эти процессы очень хорошо показаны на графиках, сделанных авторами доклада. Рабочая сила в России будет стареть и, следовательно, будет менее восприимчива к новым знаниям, к новым технологиям, новым профессиям. Российское работоспособное население будет менее приспособлено к той постиндустриальной экономике, о которой все говорят, оно будет проигрывать конкуренцию другим странам. Ведь основные прорывы и в технологиях, и в науке делаются молодыми.

Что в сухом остатке?

Из всего сказанного я могу сделать два вывода.

Первое. Из-за сложившейся демографической ситуации следует, что российскую экономику ожидают непростые пятнадцать лет (кстати, если посмотреть на прогноз Росстата на период до 2050 года, Россию после 2040 г. ждет еще одна, похожая волна сокращения и старения рабочей силы). Демографию нельзя изменить, как и географическое расположение страны. С этим нужно смириться, это нужно хорошо понимать, к этому нужно быть готовым. Простые решения в этой ситуации будут работать, но их эффективность будет невысока. Так, например, быстрое повышение пенсионного возраста на 5 лет практически полностью может компенсировать сокращение общего количества трудоспособного населения. Но это сделает рабочую силу еще более возрастной со всеми негативными моментами.

Второе. В 1999–2008 годах для России сложился абсолютно уникальный набор позитивных факторов: экономика только что успешно вышла из тяжелейшего финансового кризиса и при этом смогла оздоровиться и реализовать полномасштабное импортозамещение (безо всяких правительственных программ и комиссий).

Рост рабочей силы способствовал ускорению экономического роста. Повышение нефтяных цен и открытие рынков капитала обеспечили растущую экономику финансовыми ресурсами.

С одной стороны, плоды этого увидели все – за десять лет ВВП удвоился. С другой стороны, то поколение, которое вошло в экономику в этот период и которое к концу первого десятилетия XXI века готово было стать мотором долгосрочного экономического роста, в полной

мере столкнулось с давлением со стороны государства и с тем, что от этого кошмара не было никакой защиты: ни судебной, ни политической.

По сути дела, этому поколению российская власть подрезала крылья, лишив его возможности к нормальной самореализации. И именно эта возрастная группа – с потухшими глазами, отбитыми руками – станет самой многочисленной через пятнадцать лет и будет ею оставаться еще лет пятнадцать. Исправить последствия сделанного не удастся никогда.

Реальные угрозы экономической безопасности 2017

Владимир Путин утвердил “Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года”. Если вчитаться в этот текст, первое, что приходит на ум, – это фраза премьер-министра Дмитрия Медведева: “Делается все по принципу компота: берут разную муть, чушь, собирают... потом создают продукт и предъявляют его. Разобраться в этом человеку, который это смотрит, довольно сложно”.

Когда читаешь документ, создается впечатление, что у него не было единого автора и редактора – скорее, это было множество людей в кремлевской администрации, каждый из которых попытался внести свою лепту.

Здесь есть и либеральный лагерь, который считает, что к главным вызовам и угрозам экономической безопасности относятся недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики (хотя чем плох, к примеру, финансовый сектор?), неблагоприятный инвестиционный климат, высокие издержки бизнеса, избыточные административные барьеры и неэффективная защита прав собственности.

В этом же документе вы без труда различите почерк силовиков. Они считают, что для укрепления экономической безопасности нужно совершенствовать “механизм принятия ответных мер” в случае санкций иностранных государств или любой другой дискриминации извне, а также добиваться безопасного уровня технологической независимости национальной экономики (видимо, имеется в виду контроль за Интернетом).

Еще, судя по стратегии, в Кремле есть признаки существования прагматиков и технократов, евразийцев и космополитов, правых и левых. Одним словом, будьте уверены, здесь есть всякой твари по паре.

Самых угроз безопасности в “Стратегии” перечислено двадцать пять, но понять, как именно Кремль собирается защищать экономику сразу от всех, невозможно. К слову, в ней ничего не сказано и о том, как государство справилось с этой задачей по итогам реализации предыдущей стратегии. Но если стратегии борьбы с угрозами, похоже, де-факто нет, это не значит, что и угрозы виртуальны. Из всей обильной шелухи позволю себе выделить три пункта, которые могут стать серьезными вызовами в течение следующих 12 лет, на период действия Стратегии.

В качестве отправной точки, главной “цели государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности”, я бы определил то, что в утвержденном Путиным документе поставлено на последнее место – “повышение уровня и улучшение качества жизни населения”. Я считаю, что современное государство существует для людей, и если россиянам с каждым следующим годом будет лучше и приятнее жить у себя в стране, значит, они будут ценить это, начнут с меньшим энтузиазмом принимать приглашения уехать на работу за границу, а их жизненный оптимизм неизбежно отразится на темпах экономического роста, что повысит устойчивость экономики к внешним конъюнктурным факторам.

Исходя из этого, на первое место я, безусловно, поставил бы угрозу технологического отставания российской экономики. Ни Советский Союз, ни Россия никогда не являлись творцами передовых промышленных технологий, традиционно передовые технологии импортировались. И все разговоры о том, что по приказу из Кремля российская экономика вдруг станет лидером в инновационных процессах, для меня звучат так же, как речи российских министров спорта о том, что наша сборная по футболу вот-вот станет чемпионом мира по футболу. Современные технологии являются результатом огромных усилий десятков стран, сотен университетов, десятков тысяч компаний. И, что обязательно нужно подчеркнуть, результатом конкуренции и кооперации. Между странами, между университетами, между компаниями. Уберите

одно из этих двух условий и увидите, как современный мир радикально изменится в худшую сторону и будет отброшен на десятилетия назад.

Вопреки широко распространенному мнению никаких запретов на передачу технологий в Россию страны Запада не вводили (если не считать военно-промышленного комплекса). Но при этом уже третий год российская экономика сидит на “сухом пайке”: инвесторы не спешат сюда идти и уж тем более не спешат делиться с нашей страной своими технологическими успехами. Почему? Потому что после российской агрессии против Украины и введения санкций политические риски ведения бизнеса в России возросли настолько, что никакая потенциальная прибыль их не может перевесить.

II

Что делать? или Анализ предложений по возможной экономической программе

10 заповедей экономиста Путина, или Стоит ли ждать Путина 3.0? 2017

Хотя до президентских выборов в России осталось еще больше восьми месяцев, вряд ли кто сомневается в их исходе. Если только по каким-то сугубо личным обстоятельствам Владимир Путин не решит воздержаться от участия в них, ему гарантирована уверенная победа в марте 2018-го.

Можно дискутировать, получит он 70 % или 75 % голосов от принявших участие в выборах, смогут ли кремлевские политтехнологи и ручные избиркомы превратить выборы в плебесцит о доверии, где для победы нужно будет получить больше половины голосов от общего числа избирателей. Эти дискуссии мало кого “зажигают”, и посему общественное внимание постепенно переключается на другой вопрос: увидим ли мы “обновленного” Путина после его очередной инаугурации в Кремле? Стоит ли ожидать от него решительных реформ в экономике (про политику даже говорить смешно – кроме дальнейших заморозков ничего другого национальный лидер предложить не может)? Пройдут ли эти реформы по Кудрину, по Титову или по Глазьеву? Эксперты пытаются всерьез анализировать различия в экономических программах трех конкурентов, ставят ставки на победу того или иного кандидата на премьерском кастинге, ловят малейшие намеки на будущие перемены в речах российского президента.

Мне представляется, что никаких существенных изменений в экономической политике России ожидать не следует. Владимир Путин – человек с устоявшимися принципами и ценностями, опираясь на которые, он достаточно последовательно и логично вот уже на протяжении 17 лет принимает решения, которые превратили российскую экономику в то, что она из себя сегодня представляет.

Сторонники гипотезы о появлении “нового Путина” обычно выдвигают стандартные аргументы: в первые восемь лет президентства Путина российская экономика росла со скоростью 7 % годовых, что привело к удвоению ВВП в реальном выражении и его росту в 8,5 раз в долларовом выражении (2008 г. к 1999-му); золотовалютные резервы выросли с нескольких десятков миллиардов долларов до примерно \$ 600 млрд; бюджет сформировал резервные фонды, совокупный размер которых превышал \$ 170 млрд. Эти эксперты приписывают такой результат экономической политике Путина-либерала, каким он считался в течение двух первых сроков.

На мой взгляд, в этом утверждении содержится принципиальная ошибка: одновременность двух явлений не обязательно говорит об их взаимосвязи. Так, бурный рост российской экономики в 1999–2008 годах последовательно опирался на несколько сменявших друг друга факторов: резкую девальвацию рубля и опиравшееся на это в 1999–2001 годах реальное импортозамещение; бурный рост добычи нефти и металлов на приватизированных предприятиях в 2000–2005 годах; стремительный рост цен на нефть и запоздалая реакция Минфина на поток нефтедолларов, захлестнувших экономику в 2003–2006 годах; стремительное наращивание внешнего долга банками и компаниями в 2005–2008 годах, вылившееся в перегрев экономики. Глядя на этот перечень факторов, мне трудно приписать действие какого-то из них решениям

Владимира Путина, за исключением одного: арест Михаила Ходорковского и разгром ЮКОСа остановили быстрый рост сырьевых отраслей.

Я не могу отрицать того, что в свое первое президентство Владимир Путин поддержал принятие нескольких законов, которые в существенной мере изменили экономические правила игры. Был принят Налоговый кодекс, упростивший налоговую систему и установивший плоскую 13 %-ную шкалу подоходного налога (а позже эту российскую модель скопировали многие восточноевропейские страны)³⁷. Был принят Земельный кодекс, который узаконил частную собственность на землю, был принят новый Трудовой кодекс, проведена реформа электроэнергетики, монетизация социальных льгот. Была проведена (как показало будущее) неудачная пенсионная реформа, которая, впрочем, на первом этапе дала существенную подпитку внутреннему рынку корпоративных облигаций.

Однако при всей важности этих решений они не составили согласованную повестку реформ, являясь вырванными из “программы Грефа” кусками. Поэтому, на мой взгляд, все эти решения не играли заметной роли ни в формировании экономической политики, ни в достижении результатов первых восьми лет президента Путина. И уж совершенно точно – ни одно из этих решений не было отыграно назад во вторые восемь лет. То есть говорить о том, что в экономических решениях “поздний” Путин чем-то отличался от Путина “раннего”, будет неправильно.

Более того, я утверждаю, что в основе экономической политики обеих версий российского президента лежало несколько неизменных принципов, которые влияли на экономику гораздо сильнее. Перечислю их.

1. Незыблемость основы рыночной экономики – свободных цен. За все годы своего правления Владимир Путин не только не решился использовать замораживание цен, но даже и не предлагал подумать над этим вопросом. Более того, именно Путин начал движение к либерализации важнейших для экономики цен на электроэнергию и газ. Еще одним важным шагом в этом направлении стал переход к плавающему курсу рубля в начале 2015 года, который, несомненно, способствовал смягчению последствий падения нефтяных цен и западных финансовых санкций.

2. Неверие в рыночные стимулы и доверие к программам и стратегиям “госплановского” типа, когда считается, что решение любой задачи в экономике под силу только государству и что для этого всего лишь нужно написать правильный план и назначить нужных исполнителей. Несмотря на стремительно падающую работоспособность и эффективность российской бюрократии, сила доверия к такому подходу только нарастает – количество государственных программ становится все больше и больше.

3. Не буди лихо, пока оно тихо. Владимир Путин не является сторонником принятия превентивных решений, когда их необходимость объясняется теми угрозами, которые могут возникнуть в будущем. Это, правда, является характерной чертой многих политиков. Он предпочитает выжидать до тех пор, пока проблема не проявится в полный рост и не “заслужит” его личного внимания. В экономике такой подход опасен тем, что “стоимость” решения проблемы нарастает тем больше, чем дальше откладывается принятие решения³⁸.

³⁷ У меня лично эта реформа вызывает неоднозначное отношение. С одной стороны, низкая ставка подоходного налога примирила государство и налогоплательщика, сделала российскую юрисдикцию привлекательной для физических лиц. С другой стороны, низкая ставка подоходного налога делает многих граждан нечувствительными к налогам, что одновременно резко снижает их интерес к контролю за государством в части расходования бюджетных средств.

³⁸ Представляется, что в личной системе наиважнейшим приоритетом для Путина является удержание власти. В этой связи, рассматривая варианты решения любой другой проблемы, он соотносит возможные решения с ответом на вопрос: “Это ослабит или усилит возможности удержания власти?” Если ответ – “ослабит”, то у такого решения нет никаких шансов на принятие. Эта конструкция позволяет объяснить, почему Путин категорически отказывается не только двигаться в сторону независимости суда и демократических принципов формирования власти, но и даже обсуждать эти темы.

4. Сочетание принципа “собственность – это кража”, ставшего широко известным благодаря Прудону, и фразы Дзержинского “то, что вы еще не сидите – это не ваша заслуга, а наша недоработка”. В результате в России оказалось полностью разрушенным уважение и доверие к частной собственности. Отсюда и “дело ЮКОСа”, и “ночь длинных ковшей”, и московская реновация, и сотни тысяч ежегодно возбуждаемых против бизнесменов уголовных дел, единственной целью которых является изъятие собственности.

5. Вера в государственные компании. Отсюда непрекращающиеся колоссальные бюджетные вливания в госкорпорации и госбанки. Отсюда ползучая национализация, охватывающая все сектора экономики (купленная “Газпромом” “Сибнефть”, вошедшие в “Роснефть” осколки ЮКОСа, фактически поглощенные “Ростехнологиям” “АвтоВАЗ” и “ВСМПО-Ависма”, купленный “Ростелекомом” Tele2 и многое другое), результатом чего стал рост доли госсектора в ВВП до 70 %.

6. Отдельно выделим категорическое неприятие реформирования “Газпрома” и превращения его в нормальную бизнес-ориентированную компанию. Путин против выделения из “Газпрома” транспортной составляющей, что могло бы способствовать бурному росту добычи газа в России. Он поддерживает абсолютно бессмысленные с точки зрения бизнеса проекты строительства новых газопроводов, которые при этом “наказывают” Украину и дают обогатиться строителям газопроводов, которыми (по случайному стечению обстоятельств) оказались его ближайшие друзья Тимченко и Ротенберг.

7. Недоверие к частному бизнесу. Готовность терпеть крупных олигархов, которые с радостью встроились в вертикаль власти и готовы правильно реагировать на намеки и просьбы Кремля. Для этих олигархов существует своеобразная система бенефициарного владения, которая позволяет получать доходы от бизнеса, но не позволяет его продавать или покупать без одобрения из Кремля.

Неприятие мелкого и среднего бизнеса, управлять которым не представляется возможным. Отсюда постоянные “косяки” с налоговыми новациями, которые трясут бизнес. Отсюда непрекращающееся силовое давление на него с целью не допустить его усиления и перехода экономической силы в политическую.

8. Вера в возможность односторонней изоляции российской экономики, когда ее сотрудничество с остальным миром в любой сфере может быть когда угодно ограничено государством без каких-либо негативных последствий.

9. Вера в то, что военно-промышленный комплекс является источником технологического прогресса и локомотивом всей экономики, поэтому рост военных расходов не только позволяет иметь мощную армию, но и оказывает позитивный эффект на гражданские сектора экономики.

10. Жесткая конструкция бюджета, которая не позволяет наращивать дефицит и госдолг. Это стало следствием хорошо выученного урока кризиса 1998 года, который, похоже, сильно напугал российского президента. В итоге, в условиях последнего кризиса 2014–2016 годов Путин готов слепо следовать рекомендациям Минфина по последовательной бюджетной консолидации, хотя это оказывает угнетающее воздействие на экономику. Впрочем, стоит отметить, что во время предыдущего кризиса 2008–2009 годов Путин, будучи премьер-министром, провел одну из наиболее масштабных в мире программ бюджетного стимулирования. Одновременно с жесткими бюджетными ограничениями присутствует равнодушное (если не сказать покровительственное) отношение к тому, что существенные бюджетные средства используются для обогащения близких к Путину бизнесменов.

Когда сторонники версии о грядущем “новом Путине” говорят о будущих переменах, я спрашиваю себя: а от какого из этих принципов Владимир Путин готов отказаться? Наличие устойчивых принципов в голове любого человека означает, что он будет принимать решения, исходящие из определенной логики. Для того чтобы “новый” Путин сменил нынешнего

(повторюсь, речь идет исключительно об экономической политике), нужно, чтобы российский президент поменял свою точку зрения по какому-то из перечисленных вопросов.

Понятно, что значимость того или иного “отмененного” принципа будет различна. Выделение газопроводов из “Газпрома” даст толчок добыче газа и уменьшит заработки строителей газопроводов, но мало повлияет на всю остальную экономику; а вот создание системы защиты частной собственности (независимый суд, политическая конкуренция, борьба с государственным рэкетом) может обеспечить взрывной рост всех секторов экономики, заметно уменьшив возможности силовиков и чиновников к личному обогащению, но при этом сильно ослабит всю конструкцию существующего в России политического режима.

Каждый читатель может самостоятельно выстроить гипотезы относительно устойчивости и незыблемости взглядов Владимира Путина на экономику и на этой основе попытаться смоделировать те последствия, к которым может привести отказ от тех или иных из них.

Мой же прогноз опирается на известную русскую пословицу: старый конь борозды не испортит, но и новой не проложит. Это значит, что никакого отказа от своих принципов от Владимира Путина ожидать не следует, а потому и не стоит ожидать изменения траектории экономического развития нашей страны.

Стратегия “Чего изволите?!” 2017/2018

Важная оговорка: я “программы Кудрина” в полном ее виде не читал. Просто не смог получить. Все, к кому обращался, говорили, что не видели полного текста. Поэтому мои комментарии относятся только к тексту 32-страничной презентации. Насколько известно, в написании документа принимали участие большое количество экспертов; многие из них являются лучшими в стране специалистами в своей области. Уже поэтому готов поверить, что в полном тексте содержится большое количество конкретных наработок и предложений, которые предлагают адекватные решения назревших проблем. Но в итоговой презентации их нет, поэтому не ищите в моем тексте ответов на все вопросы.

Главный же вопрос: что является целью программы и насколько она реалистична? Прямой ответ на первую часть вопроса я не нашел, но косвенный ответ звучит привычно: обеспечить темпы роста российской экономики, которые будут превышать общемировые. Судя по презентации, этой цели предполагается достичь между 2021 и 2023 годом (в зависимости от того, как будет расти мировая экономика), то есть во второй половине очередного президентского срока Владимира Путина. У меня, однако, возникли сомнения относительно реалистичности такого прогноза, и ими я поделюсь.

Странная цепочка угроз

Для начала отмечу, что мне совершенно непонятна логика цепочки угроз, которая выстроена в документе: “Потеря Россией статуса технологической державы рост экономики, отстающий от среднемировых темпов невозможность поддержания обороноспособности на достаточном уровне невозможность обеспечения достойной жизни граждан страны”.

С одной стороны, потеря статуса технологической державы относится к будущему (оставлю за скобками вопрос, может ли Россия в нынешнем состоянии считаться технологической державой), а вот замедление экономического роста уже случилось. В презентации отчетливо показано, что за 10 лет, с 2008 года, средние темпы роста составили менее 1 % в год (а если убрать докризисную первую половину 2008-го, то этот показатель уменьшится вдвое).

С другой стороны, непонятна связь между темпами роста экономики и уровнем жизни населения. Посмотрите на Европу или Японию, которые растут гораздо медленнее, чем весь мир, но население которых на недостойное качество жизни не жалуется. Если же говорить о том, что России нужно снова догонять Португалию, то темпы роста экономики лучше сравнивать с Индией, Китаем, Африкой.

Еще менее логичной для меня выглядит связь снижения обороноспособности с низким уровнем жизни граждан. С моей точки зрения, хронической болезнью российской экономики является завышенный (относительно масштабов и качества экономики) уровень военных расходов и уровень милитаризации – кстати, именно об этом говорил в 2011 году тогда вице-премьер и министр финансов Алексей Кудрин, называя причины конфликта с бывшим президентом Дмитрием Медведевым.

Однако вся эта цепочка угроз хорошо понятна и вполне укладывается в систему координат того единственного человека, который был заказчиком и читателем программы, – Владимира Путина. Для него любое упоминание о его неудачах и ошибках недопустимо, а военная мощь – единственный признак великой державы. Из чего я делаю первый вывод: текст программы и ее идеология не являются оптимальными с точки зрения авторов документа, а подгонялись под заранее заданные жесткие ограничения.

С санкциями будем жить лучше, чем без них

Одним из таких ограничений стала “нормальность жизни в условиях санкций”, то есть в документе нет не то чтобы оценки, но и полфразы о том, насколько катастрофическими в долгосрочной перспективе (а стратегия – документ на перспективу) являются российская агрессивная внешняя политика и ставшие ее следствиями западные санкции и суверенная самоизоляция.

То есть в основе всех последующих прогнозов и предложений заложена предпосылка, что добиваться отмены санкций – то есть возвращать Донбасс Украине – Россия не намерена. Эта предпосылка является основой для следующей порции сомнений, которые я бы назвал методологическими.

Рассуждая о необходимости ускоренного роста экономики в условиях сокращения трудоспособного населения (количества рабочей силы), авторы программы дают свой рецепт: повышать совокупную производительность. В этом месте требуется лирическое отступление. В современной эконометрике принята точка зрения, согласно которой рост экономики обуславливается тремя факторами:

1) количеством рабочей силы, 2) количеством капитала (очень грубо, оборудования) и 3) совокупной факторной производительностью, которая объединяет в себе и повышение качества рабочей силы, и повышение производительности оборудования, и появление новых технологий (например, Интернета или блокчейн). И вот здесь, как мне кажется, авторы программы (осознанно или нет?) допускают ошибку.

С одной стороны, они говорят, что в условиях санкций невозможно быстрое наращивание объема капитала, то есть никакого инвестиционного бума не ожидается. Но с другой стороны, авторы программы считают, что каким-то чудом в условиях технологической блокады российская экономика сможет значительно поднять производительность существующего технологического потенциала, опираясь исключительно на собственные силы. И за счет этого фактора, по расчетам авторов программы, будет обеспечено две трети искомого экономического роста.

Ответа на вопрос, как жизнь в условиях санкций может совмещаться с созданием “стратегических консорциумов с участием ведущих зарубежных компаний”, за счет которых предлагается осуществить технологический рывок, в презентации не содержится. Точно так же не содержится ответа на вопрос о сочетаемости сохранения санкций и подписания Соглашения о преференциальном торговом режиме с Евросоюзом.

Ни слова о политике

Знаете, конечно, надежда умирает последней, но я бы на таких надеждах стратегию не строил. И последний блок сомнений, который делает для меня предлагаемую стратегию не более чем упражнением для ума, связан с тем, что в документе полностью отсутствуют какие-либо намеки на политические реформы. Я даже не буду говорить о политической конкуренции, свободных и честных выборах, независимых средствах массовой информации – готов предположить, что при составлении “технического задания” для Алексея Кудрина все эти моменты были тщательно вычеркнуты.

Действуя в узких коридорах возможностей, которые были оставлены заказчиком авторам программы, они сами называют такие направления реформ как “успешные регионы” и “независимая и справедливая судебная система”. Называют, но никак не расшифровывают. Все, на что хватило смелости и пороку в части федеративных отношений, звучит так: “лидирующим по показателям регионам могут быть предоставлены дополнительные полномочия” – без расшифровки, какие это полномочия и когда они могут быть предоставлены.

А в отношении развития судебной системы сказано лишь про “увеличение независимости судей”, чего для отчета добиться будет очень легко, так как рост от нулевой отметки в любом случае выглядит значительно. Фраза об “усилении роли прокуратуры как инструмента надзора за правоохранительными органами” в презентации есть, а вот фразы о роли парламента или гражданского общества – нет.

Я осознанно не стал останавливаться на фантастических прогнозах авторов стратегии об успехах системы образования к 2024 году. И не потому, что мне не нравятся амбициозные цели, а потому, что уверен – такие цели могут достигаться за счет раскрепощения потенциала людей, работающих в этой системе, и в первую очередь за счет вывода системы высшего образования из-под ежоворукавичной опеки государства. Не посчитал я нужным оценить и прогнозируемые темпы развития транспортной инфраструктуры: цель построения к 2024 году 1200 км высокоскоростных железных дорог или соединения городов с населением свыше 1,5 млн человек прямыми скоростными автомобильными дорогами с разрешенной скоростью не менее 130 км/час, – мне нравится, но я вижу, что для строительства железной дороги Москва – Казань, решение о строительстве которой было принято президентом Путиным четыре года назад, нет еще ни проекта, ни денег, а автодорога Москва – Петербург строится уже девять лет, и неизвестно, когда этот процесс закончится.

Всем понятно: реализация проектов, включенных в стратегию и связанных с бюджетным финансированием, на 146 %³⁹ зависит от того, удастся или не удастся перезапустить российскую экономику. Ресурсы для реализации всех этих хотелок связаны не столько с перераспределением бюджетного пирога, сколько с увеличением его размера. Но если для вашей задачки уже дан правильный ответ – темпы роста экономики России не могут оказаться ниже среднемировых, – то что вам остается делать?

Но заказчик будет доволен

Максимизировать обещания, насколько прекрасной станет жизнь страны через шесть лет, к следующим президентским выборам – когда у заказчика должно возникнуть не желание уйти из Кремля, а желание поручить еще немного. Вот такая получилась программа у Алексея Кудрина. Думаю, заказчик остался доволен – получилось ровно то, что он заказывал: много красивых и правильных слов, никаких принципиальных изменений существующей системы и фантастически прекрасные прогнозы⁴⁰.

Чего изволите, одним словом!

³⁹ В декабре 2011 г. в ходе репортажа из Центризбиркома о подсчете голосов на выборах депутатов Государственной думы была показана таблица промежуточных результатов по Ростовской области, где сумма долей голосов, полученных разными партиями, составила 146 %. С тех пор этот образ используется как синоним фразы “ничего невозможного нет”.

⁴⁰ Глядя из будущего: для меня не было большой тайной то, что главным движущим мотивом Алексея Кудрина было стремление вернуться во власть, желательно на должность премьер-министра. Всем своим поведением он демонстрировал Владимиру Путину полную лояльность и пытался (на уровне слов) доказать, что “никто кроме меня!”. Владимир Путин после мартовских 2018 г. выборов сделал Кудрина “предложение, от которого тот не смог отказаться” – возглавить Счетную палату. Очевидно, что трудно было найти в структурах власти место, более удаленное от принятия решений, чем Счетная палата, но Алексей Кудрин решил, что достаточно жирная синица в руках лучше, чем журавль в небе.

Поставьте себя на место правительства 2017

В марте 1989 года мы с Евгением Григорьевичем Ясиным опубликовали если не первую, то одну из первых в Советском Союзе статей, где сказали, что пора вводить в стране налоговую систему. В СССР было три налога – подоходный, на бездетность и акцизы, все остальные доходы в казну собирались с помощью индивидуальных фискальных нормативов. Мы говорили о том, что у налогов есть стимулирующая функция, которая может позволять государству проводить “тонкую настройку системы” и достигать тех или иных целей. С тех пор много воды утекло. Я побывал в должности замминистра финансов и среди других вопросов отвечал за налоговую систему и бюджетное планирование. Тогда я на своей шкуре понял, что все-таки главное в налогах – это доходы бюджета. Чуть позже, будучи зампредом Центробанка, я изнутри наблюдал, как страна вверглась в тяжелейший финансовый кризис в августе 1998-го, основной причиной которого стала неспособность государства научиться собирать налоги.

Предложение нового министра экономики Максима Орешкина об очередном налоговом маневре, с одной стороны, меня порадовало – раз министр говорит о стимулирующей функции налогов, значит, книжки он читал правильные. Но с другой стороны, его предложения порождают больше вопросов, чем ответов. Это значит, что пока министром больше двигают тщеславие и вера в то, что главную проблему российской экономики – перезапуск экономического роста – можно решить с помощью одного чудодейственного рецепта, своеобразного философского камня. Просто нужно его найти, сделать то, что другим министрам сделать не удалось!

Хорош ли стимул?

Что же предлагает министр (или, по крайней мере, что ему приписывает молва)? Министр считает, что если одновременно снизить налоги на труд (точнее говоря, отчисления с зарплат в пенсионную систему) и повысить НДС, то российская экономика, как по мановению волшебной палочки, забудет о гирях на своих ногах. Сказать, что такая идея совсем не обоснована, нельзя. Ее, например, уже несколько лет обсуждают в Евросоюзе, где она обрела специальный термин – “фискальная девальвация”. Дело в том, что девальвация национальной валюты (при прочих равных условиях) делает экспорт более прибыльным и снижает спрос на импорт, что дает экономике определенный простор для ускорения. (Россия воочию наблюдала этот эффект после кризиса 1998 года.) Поскольку в рамках еврозоны ни одна страна не может провести девальвацию, то эксперты попытались найти фискальные механизмы, которые могли бы играть похожую роль. И вот раз снижение налогов на труд снижает издержки во всей экономике, то экспортеры, как и весь остальной бизнес, от этого выигрывают. Помимо этого, повышение НДС удорожает импорт (все импортные товары облагаются этим налогом) и увеличивает возмещение уплаченного НДС экспортерам, что еще больше повышает конкурентоспособность экспорта. Красиво звучит, заманчиво. Но дальше начинаются вопросы.

Хотя эта идея давно обсуждается внутри еврозоны, ни одна страна пока не решила пойти по этому пути, хотя ускорить экономический рост хотят все. Значит, делаю вывод я, не все так просто и какие-то подводные камни в этой идее присутствуют. Ну вот хотя бы такой: эффект ускорения роста после девальвации носит ограниченный во времени характер – даже в России после августа 98-го, когда рубль в реальном выражении обесценился раза в три, этот эффект наблюдался 2,5–3 года. В случае с идеей министра Орешкина речь идет не о разгах, а о процентах. А чтобы идея могла реализоваться, экономика должна обладать свободными мощностями, которые позволяют нарастить производство. В 98-м такой запас мощностей у российской экономики был, а сегодня его нет. И за полгода-год создать его не удастся, поскольку инвести-

ционный климат в стране не самый благоприятный, а нарастить мощности с помощью быстрых крупных проектов в принципе невозможно – уж слишком крупными они должны были бы быть.

Для кого стимул?

Следующий вопрос: что будем экспортировать? Поддерживать экспорт – это хорошо, это правильно. Ни одна страна в мире не смогла удержать высокие и стабильные темпы роста экономики без экспансии на рынки других стран. Все разговоры о возможности ускорения за счет потенциала внутреннего рынка – это от лукавого, и обсуждать в сто первый раз эти “альтернативные” идеи не хочется. А что экспортирует российская экономика? Процентом на восемьдесят наш экспорт состоит из сырья и продуктов его первичной переработки: нефть, нефтепродукты, газ, удобрения, металлы, древесина, зерно. Такой экспорт тоже хорош, и он может создавать надежную основу для развитой экономики – посмотрите на Канаду, Австралию, Норвегию. Но в случае России, мне кажется, сырьевые отрасли и так растут достаточно устойчиво и нечувствительны к дополнительным стимулам, хотя некоторые из них (например, металлургия и угольщики) сильно реагируют на конъюнктуру мировых цен, а другие (“Газпром”) страдают от бизнес-импотенции своего менеджмента. Кроме того, у большинства сырьевых компаний также нет свободных мощностей, а нефтяники в конце прошлого года попали под действие соглашения с ОПЕК о сокращении добычи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.